

УРАЛЬСКИЙ

ледотыт

5

1960

И. СИМОНОВ

ЛИТЕЙЩИКИ
Фрагмент

УРАЛЬСКИЙ Следопыт

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

В НОМЕРЕ:

СКАЗКИ ТРИДЦАТОГО ВЕКА ♦ ПРОСТОМУ НАРОДУ
ВОЙНА НЕ НУЖНА. Стихотворение Л. Румянцева ♦ ЧЕЛОВЕК
СЕМИЛЕТКИ. Репортаж М. Гафурова с комсомольской стройки.
♦ КАПИТАН «РАКЕТЫ». Очерк В. Килина ♦ С ТОБОЙ ТОВА-
РИЩИ. Очерк Леонида Большакова ♦ В ПОИСКАХ БЕССМЕР-
ТИЯ. Окончание научно-фантастической повести Б. Фрадкина
♦ ГНЕЗДО ВЕТРОВ. Продолжение коллективной приключенческой
повести ♦ ТАБАКЕРКА. Рассказ В. Крапивина ♦ ЗА КАДРОМ.
Путевые записки Л. Ашкинадзе и П. Евладова ♦ ВЗРЫВНИКИ.
Заметки К. Стешенко ♦ ЛЮДИ И ДЕНЬГИ. Очерк Б. Брабича
♦ ЗЕЛЕНЕ ЖЕЛЕЗО. Продолжение повести в рисунках ♦ СЛЕ-
ДОПЫТСКИЕ ДЕЛА ♦ СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ ♦ КАМНИ
УРАЛА. Горный хрусталь.

5
МАЙ
1960

Свердловское Книжное Издательство

СКАЗКИ ТРИДЦАТОГО ВЕКА

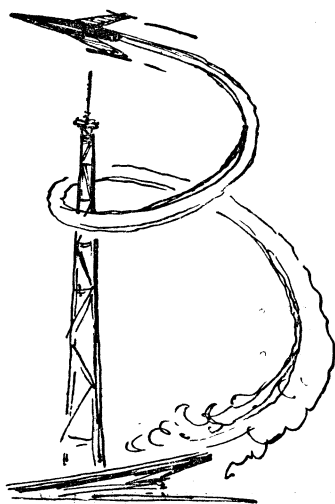
Как мы уже сообщали в первом номере «Уральского следопыта» за этот год, корреспонденту нашего журнала удалось побывать в 2948 году (две тысячи девятьсот сорок восьмом) и благополучно вернуться из этого совершенно фантастического путешествия, о котором он пишет сейчас приключенческую повесть.

Будучи во власти не так давно господствовавшего предрассудка, что «Уральский следопыт» призван только лишь копаться в старине, наш корреспондент и в 2948 году увлекся поисками древностей для журнала.

Он наткнулся на сказки, легенды и предания и привез несколько штук в редакцию вместе с примечаниями тех времен.

Печатаем вторую сказку, вернее легенду, взятую корреспондентом из книжки для детского садика наших далеких потомков, с комментариями тридцатого века.

КАК МИР СТАЛ МИРОМ

древние времена у слова «мир» было два толкования. Мир — в смысле планета и мир — в значении: нет ссор и распрей. Да, да! Раньше на Земле бывали распри. Ученые утверждают, что прежде на нашей планете люди воевали¹. Человечество разделялось на разные страны и народы, и у каждого народа были свои паразиты, которые меж собой часто не ладили и, верховодя, затевали побоища.

¹ От древнего слова — война. Означало — уничтожать друг друга при помощи особых инструментов, приспособлений и агрегатов.

И вот один народ уничтожил своих паразитов, хотя паразиты других стран, конечно, пытались помешать этому, уничтожил и провозгласил на планете мир. Вождем у них был Владимир Ленин.

Начали благоустраивать ленинцы свою часть Земли, развивать науку, технику, производство — все для блага людей. Но паразиты других стран чинили им всякие козни: зло паразитов брало — как это люди живут без них, да и в этом примере они видели свой конец.

Часто ленинцев вынуждали защищаться. Однажды паразиты организовали очень большое нападение на страну ленинцев. Пришлось ленинцам бросить все дела и биться, пока не победили. Их танки² дошли до логова самых злостных па-

² Металлические тяжелые машины, которые ползали по земле. Сейчас сохранились в некоторых местах Европы на древнейших памятниках, посвященных победе над самыми злостными паразитами, которых называли фашистами.

разитов и помогли многим народам избавиться от тунейдцев.

Ленинцы, которых стало больше, живя без паразитов, естественно, стали самыми сильными на планете. Но они не вмешивались в дела остальных народов, а начали опять работать на свое благо. А чтобы на них никто не нападал, понаделали ракет. Ракеты — наш основной нынешний транспорт — поначалу служили только для обороны¹ и разведки Космоса.

Однако в других странах властвующие паразиты все время обманывали своих людей: ленинцы, дескать, хотят напасть, поэтому их-де надо уничтожить. А тогда как раз люди начинали осваивать энергию атома, и паразиты хотели использовать ее для расправы над ленинцами. Энергию направить для войны, для уничтожения людей! Представляете, чего добились паразиты!

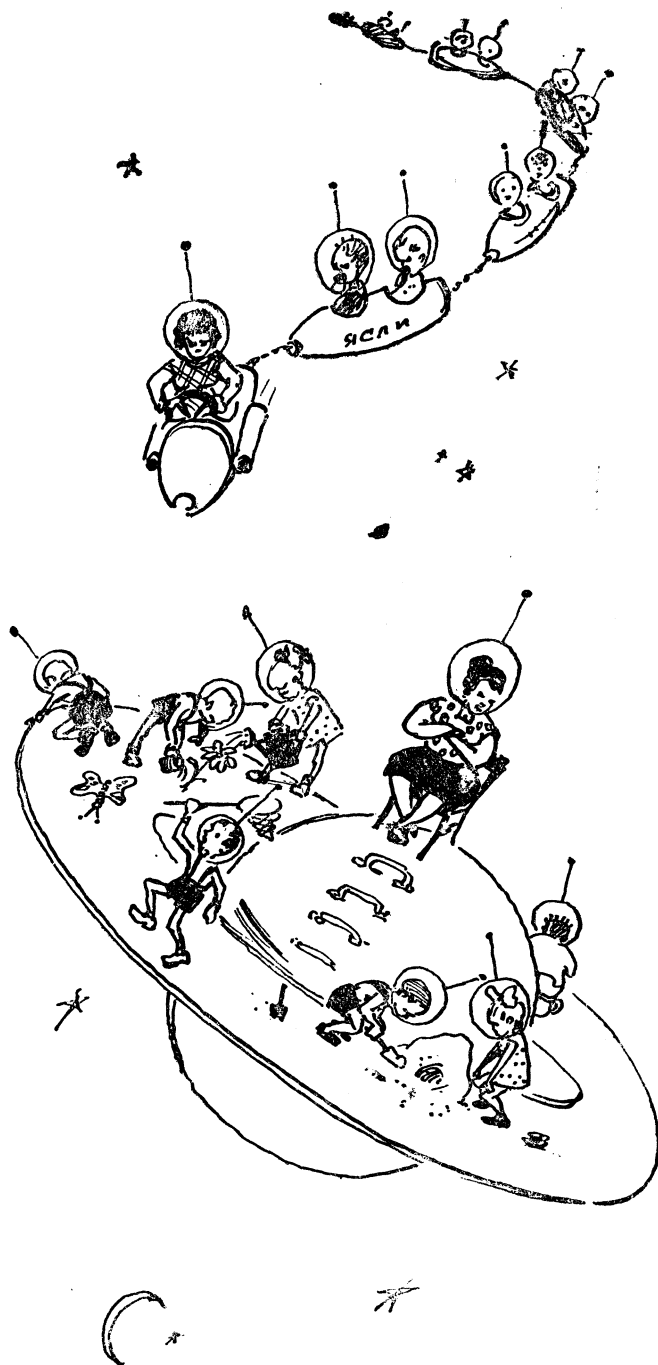
Ленинцы тоже овладели энергией атома, старались употребить ее себе на благо, но и для своей защиты не забывали. Они умели переправлять энергию атома на своих ракетах. Но они, будучи самыми сильными на планете, предложили: уничтожить все, что сделано для войны, а энергию атома пользоваться только для блага всех людей. Глава ленинцев Никита Хрущев ездил со своими помощниками по всем странам и объяснял замыслы, как сделать во всем мире мир.

Надо сказать, что ездить тогда из конца в конец планеты было еще нелегко: самолеты двигались со скоростью всего каких-нибудь девятьсот километров в час.

Много поработали ленинцы. Многие посвятили этому всю свою жизнь. И поступали они так не потому, что были слабыми, а потому, что беспокоились о сохранении человечества, о нашей жизни, о счастье.

Конечно, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Не сразу удалось ленинцам добиться человеческой цели: были паразиты, что даже наживались² на всем, что для войны. Но народы в их странах таких паразитов приструнили.

Вот как было. От благородства ленинцев родилось благо всего человечества. Они — наши предки — видели далеко вперед. Благодаря им, планета Земля не самоуничтожена, как Лигитта в соседней галактике. И мы чтим подвиг тех, кто сделал мир миром. И слава о них вечна во всей нашей Вселенной, от девяноста шести звезд Северного Полярного Ряда до самой яркой звезды Сириус.

¹ Оборона — защита. Раньше было слово даже с семью «О» — обороноспособность.

² На живаться — основное занятие паразитов — жиреть, самому не производя материальных ценностей, то есть за счет других. Читай о насекомых-паразитах на Венере и других планетах.

Простому народу
война не нужна:
Дряхлеет
 постылое слово —
 «война»,
Но строго и четко,
 со временем в лад
Века прошагает другое —
 «солдат».

Солдат!
С этим словом для нашей страны
Не только разрывы снарядов
 слышны —
Скипелись в нем накрепко,
 стали подстать
Надежность,
 весомость,
 упрямство и
 и стать.

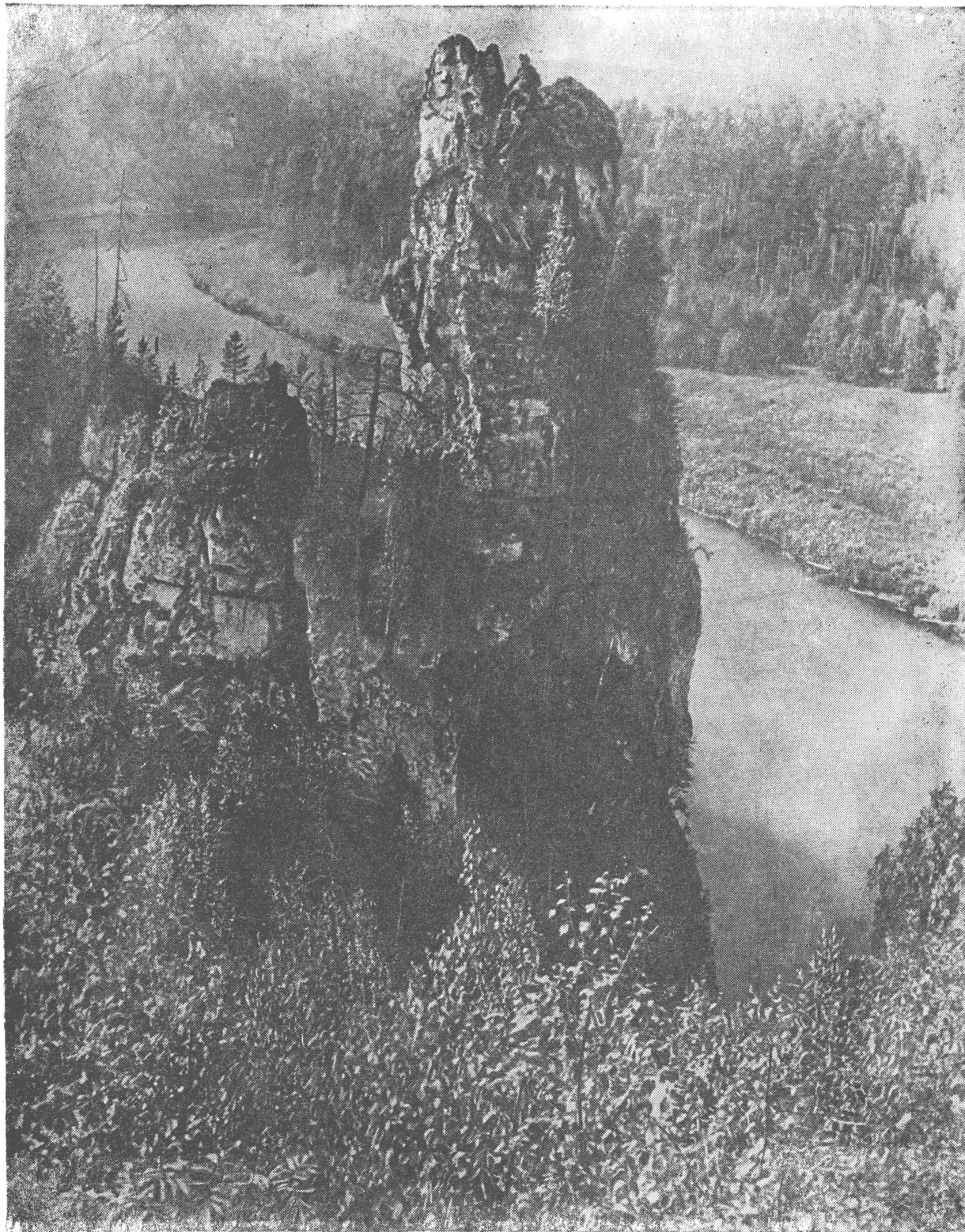
В нем слиты едино,
 как с речкой приток.
И нежность разлива,
 и гнева поток.

Все светлое,
 все, чем народ наш богат,
Вошло в это емкое слово —
 солдат!

Отважный,
 душевный,
 умелый,
 прямой —
Другому тех качеств хватило б с
 лихвой,

Но он,
 недовольный собою вчера,
Решает,
 что надо быть лучшим с утра.
А завтра
 еще на ступеньку вперед
Его беспокойное сердце зовет.
И сами судите теперь,
 почему
Так много почета
 и веры ему!
Прославился токарь —
 недаром тогда
Его называют
 солдатом труда.
Солдатом вселенной того назовут,
Кто первым проложит
 межзвездный маршрут.
...Солдатская хватка,
 солдатская честь,
Солдатское
 гордое,
 твердое —
 «Есть!»...

Я думаю:
 меньше бы стало преград,
Будь каждый из нас
 хоть немного Солдат.

Второй столб на реке Чусовой.

Фото Н. Кузьмина.

ЧЕЛОВЕК СЕМИЛЕТКИ

УРАЛЬСКИЙ
Следопыт
НА КОМСОМЛЬСКИХ
СТРОЙКАХ

Города на коралловых рифах

Шихан — это гора, только особенная. Кто ездил из Уфы на юг по Оренбургскому тракту, тот наверняка видел и удивлялся: на равнине возвышается, гол и одинешенек, каменный конус. И откуда, скажите на милость, он взялся тут? Смотришь, как плывет диковинная гора куда-то в вечерней синеве, и рождаются в голове всякие фантазии.

А сойдешься с геологом — он нараскажет о шиханах столько любопытного, что и сказок не надо. По одной из теорий, это остатки коралловых рифов с тех древних времен, когда здесь еще было море. Их видишь, проезжая Стерлитамак.

Невелик был городишко Стерлитамак, славился он лишь своей непролазной грязью. И вдруг сумасшедшее счастье привалило ему: древние коралловые рифы оказались чистыми кладами. Возле синего шихана по названию Шах-Тау построили содово-цементный комбинат — один из крупнейших комбинатов Европы. А в этой семилетке он вырастет вдвое. Здесь сейчас — всесоюзная комсомольская стройка.

Богат шихан Шах-Тау. Но еще больший клад таили в себе те рифы, что под землей. За миллионы лет около них найдены чудесные кладовые нефти и газа. Вот почему в тридцати километрах от Стерлитамака вырос еще один редкой красоты город. Назвали его именем башкирского батыра и поэта, сподвижника Емельяна Пугачева — Салават. В Салавате расположен гигантский нефтехимический комбинат. Он продолжает строиться, и над ним тоже шефствует комсомол.

Салаватцы сами не производят пластмассу или синтетические ткани. Они дают сырье другим фабрикам и заводам. Часть их продукции пойдет для получения

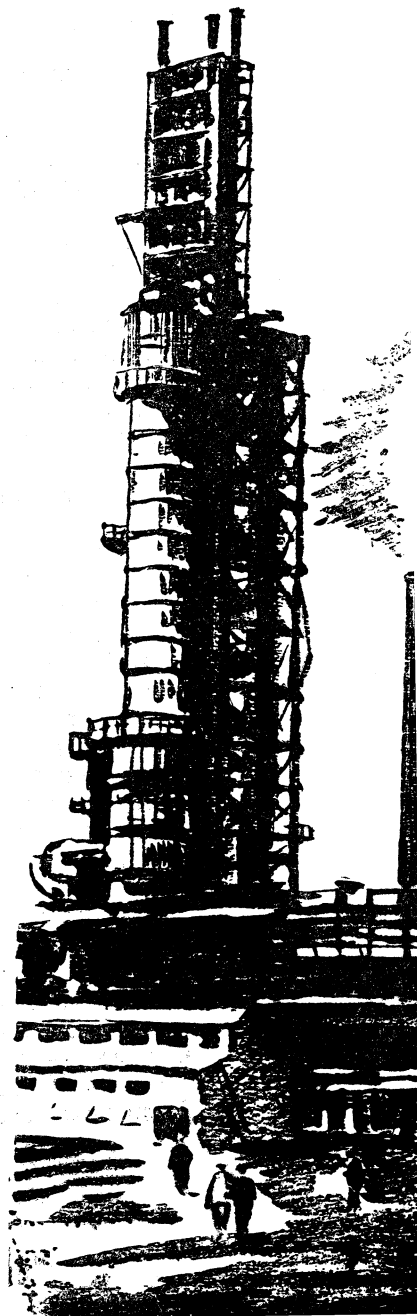
каучука. О величине этой «части» можно судить хотя бы по тому, что в Стерлитамаке заложили специальный завод синтетического каучука, объявили здесь третью всесоюзную комсомольскую ударную стройку.

Три ударные стройки, расположенные рядом, — такое бывает не часто. Но потому ведь и назвали нашу Башкирию «жемчужиной большой химии»!

Тысячи юношей и девушек республики пришли по комсомольским путевкам на «химический фронт». О некоторых из них, молодых тружениках и романтиках, построивших всего за полтора года первую очередь огромного Стерлитамакского завода синтетического каучука, и хочется рассказать.

Речь «профессора» Лежнева

Всякий, кто знает бригадира Лежнева, может подтвердить: Дмитрий редко говорит более пяти слов подряд. Удивительно, почему такого молчуна называют профессором по части градирен. Хороши были бы профессора, если читали свои лекции с лежневским красноречьем!

Но, как говорится, даже палка один раз в год может выстрелить. Однажды Лежнев произнес речь вдвое длиннее, чем обычно.

— Черт неумытый! — рассерженно сказал он. — Не нашел бетонщиков, кроме как в плотничьей бригаде. Не мог раньше подумать. Обязательно нужно людям вечер испортить...

Произошло это в субботу. Рабочий день закончился. Дмитрий с плотниками Володей Артемьевым и Рефатом Файзуллиним уходили со стройки одними из последних. Уже у самых ворот их догнал мастер Николай Интересов.

— Ребята, постойте! Монтажные колонки под заливку сдали, а народ уже разошелся. Оставить ее неукрепленной на воскресенье — много бед наделать может...

Дмитрию не объяснять, что такое ректификационная колонка. Шесть десятков метров высоты, несколько метров в диаметре... Упала она на соседний цех — разрубил трехэтажное здание пополам, как игрушку. Был уже случай: монтажники по неопытности первую колонку при подъеме уронили. Не на цех, правда, но хлопот нажили.

Бригадир ничего не ответил. Лишь взглянул на ребят, и все вместе зашугали обратно. А было все-таки обидно. Хотелось новую картину посмотреть, книгу почитать. Могут же быть у рабочего человека на субботу свои соображения! А тут опять — добрых восемь часов, не отдохнув после смены!..

Когда Володя Артемьев направил вибратор, когда закрипели лопаты, врежаясь в бетонную массу, Лежнев, наконец, отвел душу, обругал мастера «неумытым чертом». Почему неумытым? Дмитрий и сам бы не смог объяснить. Со зла первое слово на язык попало.

Мастер и на самом деле чувствовал себя виноватым. Он взял в руки лопату, хотя и нельзя ему было из-за болезни. Взмахнул несколько раз и побелел от боли. Отдышавшись, смущенно проговорил:

— Вы уж забетонируйте, пожалуйста. Проклятый радикулит!..

В тот же вечер мастера положили в больницу. Дмитрий готов был избить себя. Надо же — разболтался. «Чудак-человек, — думал он об Интересове. — Кто тебя просил за лопату братья? Если хочешь знать, мы бы и три смены

выдержали. А поворчал — это ж просто так, чтоб дело веселей шло».

С тех пор Лежнев стал еще молчаливее. Никто не слышал, чтобы он ругался. Но плотники понимают своего «профессора» с полуслова.

«Не боги градирни строят»

Чудное дело придумала Марьям Мухаметшина. Но, прежде чем рассказать о нем, надо, пожалуй, пояснить, что такое градирня.

Внешне градирня напоминает огромный кувшин. В этот кувшин сверху льется нагревшаяся в цехах вода. Она должна остыть и снова пойти в работу. Внутри градирня схожа с муравейником. Двести с лишним деревянных стоек поддерживают бесчисленное множество поперечных дощечек. Вода остывает, пока добежит вниз, стекая с дощечки на дощечку, до бетонированного бассейна.

Бригада Дмитрия Лежнева скрепляет все эти стойки и рейки, согласно мудреной схеме. Марьям с подружками-разнорабочими убирала по-соседству территорию одного из цехов. С любопытством присматривалась она к тому, что делают плотники. «Уже три месяца я на

стройке, — размышляла Марьям. — Три месяца мусор собираю, землю таскаю. Другие девчата на курсы крановщиц и мотористок пошли, штукатурами и малярами стали. Все курсы прозевала, может, в плотники податься?..»

А что? Бригадир Дима хороший, никогда не ругается. Он, наверное, возьмет в бригаду, если убедительно попросить...

В обеденный перерыв Марьям набралась храбрости:

— Дима, возьми меня, пожалуйста, к себе градирни строить.

Лежнев передвинул шапку-ушанку с затылка на лоб и улыбнулся. Марьям обрадовалась: возьмет, раз улыбается. Но на беду из бетонного бассейна высунул голову Генка Алексеев:

— А ты знаешь, с какого конца за топор браться?

— Подумаешь! — обиделась Марьям. — Больно умный!

— Пока у девчат ума не занимал,—

ловко ответил Генка. Хорошо ему смеяться — специальность имеет. Из особой «пушки» Генка уплотняет стенки бассейна, забивает поры цементом. У него смешные серые волосы: зацементировались и стоят дыбом. Говорят, когда Генка моет голову, цемент от воды становится еще крепче.

А бригадир все думал. Наконец, заговорил:

— Загадала ты загадку. Сроду не видел, чтобы девчонки плотничали.

— Я сильная, — умоляющим голосом добавила Марьям. — Твоего умного Генку могу побороть.

— Хо! — презрительно отозвался Генка. Но вызова не принял.

Дмитрий дал Марьям молоток:

— А ну, приколоть рейку.

Марьям решительно приложила рейку к стойке, взяла молоток и ударила... по пальцу. Палец стал наливать кровью. Теперь все пропало! Но Дмитрий вдруг повеселел:

— Ничего, терпеливая. Не боги градирни строят. Приведи еще желающих девчат.

Генка опять высунул голову:

— Чудак ты, Дима.хлопот с ними не оберешься.

Дмитрий промолчал. У него родилась интересная идея. Плотники работают парами. Один приколачивает рейки, а другой только помогает, подает материал. Если поставить девушку, опытный плотник освободится и возглавит новую пару. Дело пойдет быстрее, и девчата ремеслу научатся...

Так в бригаде плотников появилась «девчачья прослойка»: Марьям Мухаметшина, Рая Старкова и Люба Иванова. И, честное слово, с ними стало веселее, работа пошла — не пожалуешься. Даже скептик Генка переменялся — выцарапывает цемент из волос. А девчата скоро уже создадут свою «пару».

Хитрый плотник

На строительной площадке появились хронометристы. Они должны были проследить, как используется время в бригаде. Плотник Искандер Ишметов вслух подумал:

— Похоже, расценки будут менять. Особо гнать не надо. Так работать, чтобы и молотки мелькали и норму сильно

не перекрывать: бей раз по гвоздю, другой раз — мимо...

Дмитрий Лежнев, выслушав хитрого плотника, усмехнулся:

— Смотрите сами...

И вот хронометристы заняли наблюдательные позиции. Лежневцы взялись за дело. Замелькали рейки и молотки, посыпалась дробь ударов. Искандер Ишметов поначалу помнил о своих словах. А потом втянулся в работу, забыл.

Вечером подвели итоги. Что же оказалось? Бригада превысила даже свое вчерашнее, рекордное достижение! Самую высокую выработку дал... Искандер Ишметов — почти две нормы.

— Ну, как насчет молотка: один удар в гвоздь, другой — мимо? — с ехидцей спросил бригадир.

Ребята рассмеялись. Тоненько звенели голоса самых молодых в бригаде — Володи Артемьева и Толи Акимова; сдержанно, баском поддерживал их Юра Федоров, серьезный парень, заочник строительного техникума; поблескивали веселые смородинки узких глаз комсорга бригады Ильяса Хайруллина.

Только Искандер Ишметов стоял оторопело, поглядывая на ребят с недоумением:

— Хватит вам зубоскалить. Ну, не получается иначе.

Его слова только подлили масла в огонь. Искандер разъярился, схватил рейку и помчался за ребятами.

— Чего вы ко мне привязались! — кричал он, норовя задеть кого-нибудь рейкой по спине, а то и ниже. — Я тайгу рубил, дорогу в Салехарде строил — везде так работал! Не умею по-другому!

А товарищи, увертываясь, хохотали в ответ. У всех было легко на душе: обманщиков в комсомольской бригаде не нашлось, никто не умел по-другому работать.

Следы на бетоне

Володя Выприцков мечтал о далеких плаваниях. От башкирской деревни Ждановки, где он жил, до ближайшего моря было примерно две тысячи километров. А мать не отпускала парнишку даже в соседний город Мелеуз, объясняя это по-своему:

— Ты там жуликом станешь. Знаю я

город. Ездил в войну один раз, так у меня плетенку луку и варежки стащили.

К счастью, вернулся со службы во флоте двоюродный брат Володи. Он оказался удивительно щедрым парнем, подарил братишке свое обмундирование: полосатую тельняшку, шикарную мичманку, широченные брюки и ремень, на бляшке которого солнцем сиял якорь...

В этой ослепительной форме и покатился Володя на стройке в Стерлитамаке. С матерью дело было улажено: получив в райкоме путевку, Володя объяснил ей, что мобилизован комсомолом.

Появление «моряка» произвело на девчат сильное впечатление. Они с любопытством рассматривали привлекательную форму, а самые смелые даже узнавали, где довелось Володе плавать, и не заносила ли его матросская судьба в Антарктиду. Это же ужасно интересно — посмотреть на живых пингвинов, когда стоит мороз в восемьдесят градусов!

— Нет, до таких широт не случилось доплывать, — честно признавался Володя.

Разоблачение произошло неожиданно. Проходя по одному из цехов, где только что залили бетоном пол, Володя столкнулся со старой знакомой, белокурой пересмешницей Верой Федоровой. Встретились и растерялись — так и застыли на свежем бетонном полу...

После этого они уже редко расставались. Днем — рядом на стройке, вечером вместе бродили по городу и о чем-то без конца беседовали. Остальные девчонки немного завидовали Вере и пели многозначительно:

За хорошей дружбою
Кроется любовь...

Конечно, скоро все узнали, что Володе всего восемнадцать лет и он никогда не был моряком. Но это уже не имело значения — Владимир Выприцков стал отличным монтажником, собирал цеховые здания из железобетонных глыб. А надо вам сказать, что слово «монтажник» звучит ничуть не хуже, чем «моряк». Прибавьте к этому еще одно важное обстоятельство: монтажник Выприцков стал командиром отряда дружинников. Правда, отряду еще не пришлось столкнуться ни с одним нарушением общественного порядка, но Володя тут ни при чем. Просто на комсомольской стройке хулиганы не водятся.

Что касается матросской формы — ее сменила зеленая брезентовая роба. Недавно, сыграв с Верой комсомольскую свадьбу, Володя отдал «морской» костюм подростку, живущему по соседству.

А в память о встрече, с которой началась дружба Володи и Веры, остались следы, на бетоне: два отпечатка от больших — сорок второго размера — сапог и два маленьких, девичьих.

Может быть, будущий следопыт, идя на завод, постарается разгадать историю этих вечных примет. И предстанут в его воображении парень в зеленой робе и хрупкая белокурая девушка, верная любовь которых оставила следы на бетоне...

О жареной картошке и хороших людях

Из письма Вали Тяптиной подруге

«...Живем мы в комнате вчетвером: Аля Первушевская — крановщица да мы, штукатуры, — Нина Вяземская, Капа Токарева и я. Аля учится в десятом классе, я с Капой в девятом за одной партой сидим, Нина пошла на курсы аппаратчиков, останется на заводе, когда мы его пустим.

Времени у нас всегда в обрез. Прибежим с работы в десять минут седьмого, переоденемся быстренько и к четверти восьмого — в школу. Очень поздно домой приходим, иногда еле сил хватает, чтобы до койки добраться.

Я долго крепилась, потому что вся стройка учится. Мне-то еще легче, а вот, например, Дима Лежнев уже семью имеет и старше нас, а пошел нынче в пятый класс. Сама слышала, как он в бригаде хвастался: «По ботанике четверку получил». Знаменитый бригадир радуется как маленький. Вспоминала я о нем и крепилась. Но недавно чуть «не сорвалась».

Возвращаемся с Алей из школы и соображаем: яичницу, что ли, сготовить, ведь голодные же. И до того мне надоело каждый день натощак засыпать, что не выдержала. Не пойду, говорю, больше в класс, хватит с меня одной стройки. И Алька молчит, хоть бы душой назвала...

Приходим в общежитие — а нас жареная картошка на плите дожидается.

Рядом воспитательница Надежда Федоровна сидит, дремлет. Я посмотрела на все это и заревела, не знаю отчего... Ну, кто заставлял ее сидеть до часу ночи и дожидаться нас?

Как таких людей не любить? Я на две недели в отпуск уехала и чуть не умерла, так по своей стройке соскучилась. Люблю здесь все: и огромные цеха, и школу, и комсомольский штаб с «мокрым углом» (это угол, куда мы иногда плакать ходим), и то, как начальник штаба Володя Скорюкин нас королевами называет... А мама никак не может понять, почему я сюда уехала. Она видит только мои грязные сапоги да обмороженные щеки...

Города на коралловых рифах... Большое будущее ждет их. И строят это будущее славные парни и девчата с ударных комсомольских строек — настоящие люди наших дней.

М. Гафуров

Рисунки М. Заводчикова

г. Стерлитамак

Бывалые люди

КАПИТАН «РАКЕТЫ»

В. КИЛИН

О бесстрашии и боевой дерзости летчика Михаила Девятаева мне приходилось много слышать в годы войны. Рассказы о нем, похожие на легенды, кочевали с одного фронта на другой. На счету летчика было уже 17 фашистских самолетов, как вдруг (это было в 1944 году) стало известно: в боях над Львовом самолет Девятаева сбит, летчик попал в плен.

И вот недавно в автобусе Свердловск — Ревда я разговорился с соседом. Это был коренастый крепкий мужчина, с удивительно живыми веселыми глазами.

— Михаил Девятаев, — назвал он себя.

— Девятаев? Летчик? — невольно вырвалось у меня.

— Нет, капитан «Ракеты». Может, слышали о нашем волжском крылатом корабле? А летчиком был раньше...

16 лет назад

Шел последний год войны. В немецком концлагере Клейнкенигсберге группа советских военнопленных составляла план побега из плена. Врач Воробьев, летчик Девятаев, его товарищ по школе

уральский паренек Вася Грачев... Много дней и ночей обдумывали они всевозможные варианты побега. Наконец, остановились на одном — вывести подкоп из барака за территорию лагеря.

Однажды утром Воробьев сделал Михаилу Девятаеву и Сергею Кравцову уколы, от которых руки их мгновенно вспухли, покрылись синевой. Гитлеровцы оставили «больных» в бараке. Когда все ушли на работу, «больные» под одной из коек вырезали доски пола, спустились в подвал и на глубине человеческого роста повели горизонтальный тоннель.

В работу включились все пленные. Копали ночами, по очереди. Но дело продвигалось очень медленно. А тут еще неожиданно лопнула проходившая поблизости канализационная труба. Зловонная жижа залила тоннель. Приходилось вычерпывать ее обыкновенной миской. Работали до изнеможения, до обмороков. Немцы избегали теперь лишний раз появляться у русских. А это вполне устраивало организаторов побега. Когда тоннель был немного очищен, отверстие в трубе заделали и стали копать дальше. Так прошел месяц, а может, и больше.

Когда подземный ход был почти за-

вершен, Воробьев узнал, что по ночам с наружной стороны проволочного забора спускают собак, а за помещением комендатуры лагеря, как раз напротив намеченного выхода, немцы оборудовали дзот с пулеметами. Кого не разорвут собаки, того фашисты расстреляют в упор.

Девятаев предложил вывести тоннель прямо под комендатуру. Выход решено было сделать в пустой комнате рядом с караульным помещением.

Снова потекли дни напряженной ночной работы. Наконец, примерно на тридцатом метре, была вырыта последняя лопата земли. Барак русских военнопленных соединился подземным лазом с немецкой комендатурой.

Пленные часами просиживали в подвале комендатуры, прислушиваясь к каждому слову. Им удалось установить, где находится оружие, как расставлены в караульном помещении кровати гитлеровцев, в какое время фашисты обычно укладываются спать.

Но когда до побега оставались считанные часы, Девятаева и нескольких его друзей предали...

Я был, есть

и останусь советским

Гитлеровцы пришли в ярость. Они схватили Васю Грачева и еще нескольких заговорщиков, посадили их в карцер и подвергли жестоким пыткам, лишив воды и пищи.

Вечером, после работы, пленные собрались в тесном коридорчике возле карцера, устроенном в помещении, откуда был начат подкоп. Кто-то затыкнул песню. Ее подхватили десятки голосов. Одна песня сменялась другой. Затем все разом грянули: «Николай, давай покурим, Николай, давай покурим...»

Люди, не жалея ног, пустились в пляс, оттопывая деревянными башмаками залихватскую «барыню», хлопая в такт напеву ладонями, создавая как можно больше шума.

За этим шумом не слышно было, какбрякнули ржавые гвозди, когда Кравцов оторвал край доски в стене комнаты, где томилась дружка, и просунул им кусочки хлеба, как Воробьев выбил в переборке сучок и в образовавшуюся дырку вставил

гибкую трубку, соединенную с резиновым медицинским баллоном, наполненным водой...

Такое «веселье» в бараке устраивалось в течение десяти дней.

Михаил Девятаев, как организатор подкопа, был заперт в одиночную камеру. Стены ее обиты железом, посередине — чугунная печь. Ему тоже не давали ни воды, ни хлеба, зато усиленно топили и без того раскаленную чугунку. Ночами Девятаева водили на допрос, истязали...

Помочь Михаилу было почти невозможно. Но друзья нашли способ. Михаил Шилов незаметно пробрался на чердак, разобрал печную трубу и спустил Девятаеву хлеб и воду.

— Держись, Михаил, — прошептал он, — мы поможем тебе!

И Михаил держался.

На десятый день Девятаева снова вызвали на допрос. На этот раз его не били и не пытали. За столом, уставленным закусками и винами, сидели комендант лагеря и какой-то штатский.

— Ви русский летчик? — на ломаном русском языке спросил его комендант. — Мы предлагаем вам вступить в немецкий армия. Человек, давший согласие, получает богатый состояние и прекрасный вила. Верьте слово немецкий офицер — это истинный правда.

— Я был, есть и останусь советским, — ответил Девятаев.

— Советую вам быть благоразумным. Иначе вас ждет смерть.

— Я никогда не предаю своей Родины!

Учитель Никитенко

На Девятаева надели железные наручники, вручили ему жетон с номером 3234 и отправили под Берлин, в центральный концлагерь Саксенхаузен.

Крепкой высокой оградой, по верху которой были натянуты электрические провода, лагерь отделялся от большого каменного строения с дымящей трубой.

— Это что, фабрика? — спросил Девятаев в день приезда одного из пленных.

— Фабрика... — многозначительно ответил тот. — Войдешь в ворота, а вылетишь в трубу.

Смысл этих слов дошел до Михаила позднее, когда вновь прибывших привели в баню. В предбаннике за длинным столом сидели регистраторы из пленных разных национальностей.

Девятаев вручил свой жетон русскому регистратору. Порывшись в бумагах, тот тихо сказал:

— За организацию побега Вы приговорены к смерти путем сожжения в крестовории. Вот ваш новый номер. Забудьте свою настоящую фамилию и то, что вы летчик. Теперь вы Никитенко. Запомните — учитель из-под Киева.

Так Девятаев стал учителем Никитенко.

Подпольный комитет, работавший в концлагере, узнал, что гитлеровцы готовятся переправить группу военнопленных в другой лагерь. Они тщательно отбирали людей, стараясь, чтобы среди них не оказалось ни одного человека, знакомого с авиацией. «Значит, летчику там найдется дело», — решили подпольщики и через верных людей включили в эту группу Девятаева.

Несколько дней спустя Михаила вместе с другими военнопленными направили на медицинский осмотр. Им приказали раздеться догола и по одиночке пройти перед членами комиссии, среди которых находилась высокая пожилая немка. Каждый подошедший к ней обязан был медленно повернуться на месте кругом, а затем идти вправо или влево — куда она указывала. Влево направлялись те, у кого на теле была татуировка. Потом стало известно, что этих людей убивали и из их татуированной кожи выделывали дамские сумочки, абажуры и разные безделушки.

Михаил избежал этой участи. Его посадили в закрытую машину, привезли на берег Балтийского моря, а затем переправили на остров Пеенемюнде.

Были наших дней

А ПАРЕНЬ ВЫСТОЯЛ

Тревожный стук в дверь разбудил Прокофьева.

— Открой, Саша! Это я, Ключкин.

Прокофьев вскочил с постели, впустил в комнату механика шахты.

— Беда, Саша! Шахтный воздухопровод разорвало, мороз... Ты извини, что тебя побеспокоил, другого выхода нет, — задыхаясь от волнения и быстрой ходьбы, произнес механик.

— Понимаешь, конец года, люди за сверхплановую руду бьются... В эту ночь несколько бригад должны годовой план закончить...

Александр стал быстро одеваться. За окном пронзительно ревела выюга.

Через полчаса четыре каталя и Саша несли к месту прорыва воздушной магистрали сварочный аппарат. Прошли они всего полкилометра, а показалось, что позади остался добрый десяток: бешеный ветер валил с ног.

Но вот, все на месте. Электрик Цепов начал тянуть провода. Остальные принялись сколачивать подмости: магистраль порвало на двухметровой высоте.

А буран рвал и метал. Чтобы сказать слово, нужно было вплотную подойти к товарищу. Но шестеро смельчаков не сдавались.

Вот и подмости готовы, и ток подведен. Саша взобрался на зыбкий досчатый настил. Аппарат подключили. Едва вспыхнув,

вольтова дуга погасла. Ревущий ураган гасил ее. Александр едва держался на подмостках.

— Ты обхвати перекладину, а я дугу от ветра прикрывать буду! — крикнул на ухо Прокофьеву Василий Цепов. Он распахнул телогрейку и ее полами прикрыл дугу. От яркого света дуги пришлось крепко зажмурить глаза и отвернуть лицо, подставив его ветру.

— Иди, обогрейся, а я сам управлюсь. У тебя уже щеки побелели! — кричал Цепову Прокофьев. Электрик не ушел, пока его не сменил один из каталей.

Искры от электрода метало во все стороны. Александр почувствовал вдруг около груди приятное тепло, а затем острую боль.

— Горишь, Саша! — закричал

Остров Пеенемюнде

Здесь находился аэродром, откуда немецкие самолеты совершали налеты на советские боевые корабли и транспорты в Балтийском море. Советские самолеты часто бомбили аэродром на острове. После этих налетов надо было засыпать бомбовые воронки, бетонировать взлетные дорожки, очищать аэродром от обломков разбитых самолетов. Для этого на острове и создали небольшой лагерь военнопленных. Строгой охраны здесь не было: немцы знали, что с острова уйти невозможно. У Девятаева снова возникла мысль о победе.

Но после провала с подкопом Михаил был очень осторожен. Он долго приглядывался к окружающим, решая, кому можно довериться. Внимание Михаила привлек молодой парень с перебитой переносицей, которого дружелюбно называли в лагере «Курносый». Однажды Курносый незаметно подсунил тарелку своего супа обессилевшему поляку. Это не ускользнуло от взгляда Девятаева. «Настоящий человек», — подумал он.

Воледя Соколов, это было настоящее имя Курносого, хорошо владел немецким языком, а поэтому пользовался у немцев

доверием. Ему поручали подбирать команды для различных работ на аэродроме.

— Возьми меня в свою бригаду, — попросил его как-то Михаил.

Соколов ничего не ответил. Но на другой день к Девятаеву подошел незнакомый человек.

— Говорят, ты интересуешься самолетами, — сказал он, глядя на Михаила в упор. — Может, ты что-нибудь в них понимаешь?

Михаил насторожился. «Не провокация ли это?» Потом внимательно посмотрел на незнакомца. Глубоко запавшие угрюмые глаза, изможденное лицо. Чувствовалось, что человек перенес тяжелые испытания. Хотелось верить ему.

Но ответил Михаил осторожно:

— Когда учишь других, самому приходится интересоваться всем.

— Кого же ты собираешься учить?

— Учил раньше в школе ребят, а теперь кого придется, хотя бы вот тебя.

— Если авиации, то пожалуйста! Со мной ты можешь говорить прямо. Я — Иван Кривоногов, бывший пограничник. Граница научила меня угадывать людей чутьем, те ли они, за кого выдают себя. Вот и о тебе скажу: не похож ты на учи-

каталь и стал рукавицей тушить глеющую телогрейку, но ветер раздувал огонь. Александр сбросил телогрейку. Огонь затоптали.

Наконец, разрыв в трубе был заварен. Александр послал каталя сообщить, чтобы пускали воздух, а сам остался на месте проверить, хорошо ли заварена труба. Он приложил ухо к магистрали и услышал шипение.

«Отлично! Кажется заварено плотно», — подумал Александр, и в то же мгновение раздался треск.

Опять беда! В нескольких метрах от места сварки он обнаружил новый разрыв, из него вырывался сжатый воздух.

Так было трижды. Александр сваривал магистраль, а мороз рвал ее.

— Нет, шутишь... Я не сдамся! — повторял про себя Прокофьев. И снова, прикрытый телами товарищей, варил, стиснув зубы.

Поединок электросварщика с морозом продолжался. И парень вышел из него победителем.

А. Мальцев

г. Североуральск

геля. А вот к самолетам тянет тебя неспроста. Может, летчик? Нам здесь очень не хватает человека, знающего самолеты.

Михаил назвал себя. Позднее вместе с Кривоноговым и Володей Соколовым они разработали план побега. Это был дерзкий план.

Михаил летал на советских истребителях, был знаком с немецкими «Мессершмиттами», а на аэродроме базировались бомбардировщики «Хейнкель-111». Их Михаил почти не знал.

Но неподалеку от лагеря находилось кладбище немецких самолетов, и Михаил повадился ходить туда. Он внимательно рассматривал щитки, отдельные узлы устройства аппаратов, подбирал таблички с надписями и с помощью Володи прочитывал их.

Так, по крупицам, в течение месяца, Михаил изучил «Хейнкель». Однажды, во время расчистки снега на аэродроме, он подошел совсем близко к самолету. В нем находился летчик. Немец, видимо, думал, что русский ничего не смыслит в технике, а поэтому бахвалился перед ним, нажимая то одну, то другую кнопку, запускал и выключал мотор. Михаил жадно следил за всеми действиями летчика.

«Десять дней жизни»

Однажды один из пленных, потерявший веру в спасение, сказал, что за хорошую пищу и вино поступил бы на службу к гитлеровцам.

— Где хорошо живется да побольше платят, там для меня и родина, — цинично заявил он.

Услышав эти слова, Михаил ударил его с такой силой, что тот мешком повалился на землю.

Михаила приговорили к «десяти дням жизни». Это значило, что в течение десяти дней гитлеровцы будут избивать Михаила, а потом застрелят или повесят. Больше всех бил Михаила гестаповец Кап, прозванный Цыганом.

— Цыгана надо убрать, — заявил руководитель подпольной группы, известный в лагере под кличкой «Володя из прачечной», — но сделать это надо так, чтобы не вызвать подозрений. Если мы не спасем Михаила от смерти, то дело наше гиблое.

Свои услуги предложил пятнадцатилетний украинец Вася.

Блок-фюрер снисходительно относился к Васе за то, что тот выполнял его мелкие поручения, умел показывать различные фокусы и иногда отдавал ему побрякушки, найденные при раскопке разрушенных зданий. На этот раз Вася подарил гитлеровцу золотое кольцо. Обрадованный фашист спрятал подарок в карман. А через несколько часов кольцо вдруг пропало. Блок-фюрер пришел в неистовую ярость. Он приказал обыскать всех пленных, перевернуть вверх дном весь лагерь, но найти пропажу. Во время повального обыска Вася подошел к разгневанному шефу и что-то шепнул ему. Блок-фюрер подозвал к себе Капа и к великому изумлению обоих извлек у него из кармана драгоценное кольцо.

Цыган бесследно исчез из лагеря. Вместо него наблюдение за работой пленных на аэродроме доверили Володе Соколову.

На самолете

с фашистской свастикой

Всю ночь накануне побега Михаил Девятаев, Володя из прачечной, Иван Кривоногов и Володя Соколов еще раз продумывали и взвешивали каждый шаг, каждую деталь побега.

— А сможешь ли ты подняться в воздух «Хейнкель»? — взглянув на обессиленного от постоянных истязаний Михаила, спросил Володя из прачечной.

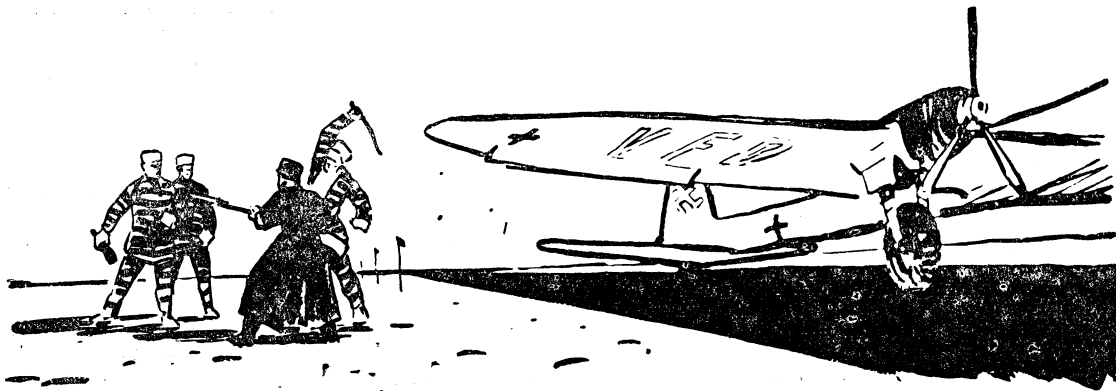
— Думаю, что смогу. Во всяком случае, я ничем не рискую. Ведь завтра последний день моей жизни на этом свете.

— Вчера на аэродром приземлилось несколько «Мессершмиттов», — вмешался в разговор Володя Соколов. — Если нам не удастся захватить бомбардировщик — садись в истребитель и улетай один, мы тебе поможем.

— Чтобы потом фашисты перевешали вас всех. Нет, один я не полечу, — категорически заявил Михаил.

Утром 8 февраля 1945 года десять человек под руководством Володи Соколова подошли к калониру, в котором стоял готовый к взлету самолет. Был выходной день. На аэродроме, кроме нескольких часовых, никого не было.

Немец, охранявший самолет, преградил дорогу.

Володя Соколов заговорил, объясняя ему, что господин инженер приказал пленным осмотреть исправность взлетной дорожки и, где надо, отремонтировать ее. Часовой остановился, что-то обдумывая. В это время Иван Кривоногов, держа в руках металлический прут, зашел слева. Заметив это, немец направил на него оружие, но с другой стороны к нему подошел Михаил Девятаев с железной болванкой. Гитлеровец повернулся вправо. Этого было достаточно. Иван с силой опустил прут на его голову и выхватил винтовку. Не успев даже вскрикнуть, гитлеровец замертво повалился на землю.

Михаил бросился к кабине, но дверца ее оказалась запертой. Несколькими ударами болванки он сбил замок. Вот и щиток электрораспределения. Михаил бросился к кнопкам, но стрелки приборов оставались неподвижными. Нажал одну, вторую. Заглянув за спинку сидения, Девятаев побледнел:

— Нет аккумуляторов, а без них машину не заведешь...

Володя мгновенно скрылся и через несколько минут подкатил тележку с аккумуляторами. Остальные расчехлили моторы и влезли в самолет.

Взрели моторы. Самолет побежал по взлетной дорожке, набирая скорость. Но что это? Машина никак не может оторваться от земли. Михаил нажимает на руль высоты, но он не поддается. А машина все бежит и бежит. Еще минута — и она упадет в море, разобьется о прибрежные камни...

У самого берега Михаил так круто развернул самолет, что левая его плоскость поднялась в воздух, а правая зарылась в песок. Заметив, что с самолетом творится что-то неладное, к нему со всех

сторон стали сбегаться гитлеровцы. Девятаев, выравняв машину, повел ее обратно, в сторону аэродрома, направляя в самую гущу врагов. Только тут немцы разобрались, в чем дело.

Михаил приказал товарищам помочь ему. Несколько рук нажали на колонку руля управления и отклонили ее вперед. Самолет круто стал набирать высоту. Пассажиры в арестантской одежде грянули «Интернационал».

Лишь в воздухе Михаил понял, почему не взлетал самолет. Оказалось, что триммер руля высоты был поставлен на посадку. Михаил отыскал штурвальчик и несколькими его поворотами снял грузку с руля высоты.

А с аэродрома уже поднимались немецкие истребители. «Погоня», — понял Девятаев и направил самолет в ближайшее облако.

Пролетая восточнее Штеттина, Девятаев отыскал знакомый ему ориентир — шоссе на Москву и повел самолет на восток.

Вскоре беглецы уже перелетали линию фронта. Советская артиллерия обстреляла самолет с фашистскими опознавательными знаками. Один снаряд угодил в правую плоскость. Разрывом оборвало шасси. Машина загорелась. Девятаев скольжением сбил пламя, пошел на снижение и благополучно посадил изуродованную машину.

Солдаты с автоматами на перевес окружили самолет.

— Немец, сдавайся!

Услышав русскую речь, Девятаев выпрыгнул из кабины.

Вслед за ним из машины выскочили еще девять человек в полосатых костюмах. Они снова были на советской земле.

ПАРТИЗАНСКИЙ

Бывалые люди

В августе прошлого года в «Комсомольской правде» была напечатана заметка «Загадка белорусских лесов» и снимок необычного автомата. В заметке рассказывалось, что в фондах Государственного исторического музея в Москве обнаружены самодельные автоматы, которыми пользовались белорусские партизаны. Вероятно, у них

были свои мастерские, где работали очень умелые люди.

Но кто они, партизанские оружейники, газета не сообщала.

Один из мастеров партизанского оружия живет, оказывается, у нас на Урале, в городе Челябинске. Это Григорий Ильич Родионов.

Снимок
Ю. Теуша

ОРУЖЕЙНИК

В. СОЛОВЬЕВ

Война. Несколько наших солдат оказались отрезанными от своих по ту сторону фронта. Что делать? И они решили: «Надо искать партизан!» В глухой деревушке им повезло: одна старуха согласилась свести с партизанами.

Людей проверили, распределили по отрядам. Григорий Родионов попал в отряд имени Суворова партизанской бригады «Разгром».

Через несколько дней его вызвал к себе начальник отряда Петровский.

— Я смотрел твою карточку, товарищ Родионов... Ты токарь?

— Так точно! До войны работал на Челябинском абразивном заводе.

— Тогда вот что: у нас очень туго с оружием. Надо самим делать. Попробуешь?

— Попытка — не пытка!

Скоро собрались и остальные оружейники: веселый ленинградец Овсянников, кряжистый кузнец из Смоленичей по имени Сидор, еще один белорус столяр Копоть, Петр Гусев — слесарь с Кубани, Владимир Бурлаков — шофер из Калинина.

Все детали будущего оружия надо было точить вручную, без всяких станков. Но и ручного инструмента не было. Все собрали по крохам.

Свои люди, работавшие в немецких мастерских в городе, добыли напильники. Наждачный камень приспособили к валу ротора старого электромотора. Нашлась ручная дрель. Во время одной из «хозяйственных операций» достали железные бочки, из которых мастерили кожухи автоматов.

Ствол, понятно, сделать самим было невозможно. Для этой цели брали обыкновенную трехлинейную винтовку, отпиливали от конца ствола 275 миллиметров, получалось в самый раз.

Сидор ковал затворы из обыкновенных тележных осей. Он придавал металлу элементарную форму, а ловкие руки слесарей доводили детали.

Поставил было в тупик оружейников

вопрос: где взять пружины. Но и из этого, казалось, безвыходного положения выручил ленинградец Овсянников. Однажды он позвал Сидора и Григория в лес. У обочины дороги он показал им тяжелое автомобильное колесо.

— Вот что нам надо!

В мастерской колесо разрезали. В том месте, где резина покрышки забортовывается за металлический обод, оказалась прочная стальная проволока. Овсянников взял металлический стержень и навил на него проволоку. Затем накалил другой стержень, надел на него проволочный виток и стал нагревать стержень снова. Раскаленную таким образом проволоку он опускал в масло, пружина отлично закаливалась.

Столяр Копоть делал отличные приклады, полировал их. Автоматы выглядели, как фабричные. Даже воронили их партизанские оружейники. Только что без заводского клейма. Не было лишь у этих самодельных автоматов разобшителя: автомат мог стрелять только очередями, одиночных выстрелов не получалось.

До самого прихода Советской Армии пробыл Родионов в партизанской оружейной мастерской. А потом в рядах регулярных войск бил врага. Дошел до Восточной Пруссии.

Отгремела война, Родионов приехал в родной Челябинск. Работать поступил на обувную фабрику слесарем.

О прошлом вспоминал главным образом в День победы.

Но на этот раз случилось так, что вспомнил Григорий Ильич с своих партизанских делах не в праздничную дату. Пришел как-то Родионов с работы, развернул газету, да так и впился глазами в снимок. На снимке — знакомый автомат. В волнении пробежал глазами по строчкам. «Смотри-ка, в музей наша продукция попала!». Позвал жену, дочь.

— «Загадка», написано, «белорусских лесов», — сказал он. — А разгадка-то — на Урале!

С ТОБОЙ ТОВАРИЩИ

Л. БОЛЬШАКОВ

Рисунки Н. Мооса

Однажды вечером

— Кто?

Молчание.

— Кто стучит?

Не ответ, а стон.

Торопливо повернув ключ, хозяйка квартиры, немолодая, усталая женщина, едва успела поддержать человека, грузно перевалившегося через порог.

Без кровинки на лице, облепленный комьями мокрого снега... Боже ты мой, да что это? Полы пальто, брюки, ботин-

ки — все парит. Человек в огромном обжигающем компрессе.

— Скорую помощь!

Кто-то побежал к телефону-автомату, чьи-то руки снимали одежду и обувь, укутывали в одеяло, переносили на диван:

— Потерпи, сынок... — откуда-то издалека доносится до сознания голос незнакомой женщины. Мама... Ты здесь, ты со мной, мама?

А потом другие глаза, такие же участливые.

— Потерпи, милый!

Кто эта девушка в белом халате, откуда, зачем?

«Зил» с горящим огоньком «Красного креста» мягко тронулся от подъезда.

...Люди, добрые неизвестные люди. Как зовут ту женщину, которая первой протянула руку помощи? Кто они, девушка медсестра и шофер «Скорой помощи», которые сделали все, чтобы путь до больницы стал возможно легче?..

Радости

Константина Русинко

В Орск Константина Русинко привела комсомольская путевка, полученная по окончании механико-математического факультета Львовского университета.

Еще несколько лет назад он знал об Орске не больше, чем было сказано в биографии любимого поэта Тараса Шевченко. Ведь именно в Орской крепости отбывал ссылный Кобзарь свою солдатскую каторгу.

Костю Русинко город встретил песней. И следов не осталось от печально знаменитой крепости — места ссылки лучших сынов народа. На многие километры протянулись одетые в асфальт и зелень широкие проспекты, застроенные многоэтажными домами. Всюду виделись стрелы башенных кранов — верная примета большой стройки.

Южно-Уральский машиностроительный завод... Молодого специалиста направили в расчетную группу конструкторского отдела. С головой окунулся он в работу. Его пригласили преподавать в заочном политехническом институте. Хотя к тому времени Константин был уже назначен руководителем группы, он принял это предложение. Константин чувствовал, что живет полной, настоящей жизнью.

...Горе свалилось неожиданно-негаданно.

Человек в беде

Как пришла беда?

Очнувшись на больничной койке, Костя вспомнил бурный вечер, когда он торопился на последний сеанс в кино, странную проталину среди сугробов, внезапное свое падение и мгновенно охватившую все тело чудовищную боль.

«83 градуса», — услышал он однажды в разговоре соседей по палате, и понял: говорят о температуре воды, бушевавшей в траншее. Эта траншея с разорвавшейся незадолго перед тем трубой горячего водоснабжения и стала для него ловушкой.

Откуда только взялись силы, чтобы выбраться из кипятка и доползти до первого дома?..

Сознание то исчезало, то возвращалось, но изматывающая боль чувствовалась непрерывно. Тело было в огне. Погасить его, казалось, не могло ничто.

Клавдии Ильиничне Андреевой, за плечами которой стояли опыт военного врача и многие годы хирургической практики в родном городе, никогда прежде не доводилось иметь дело с таким трудным случаем. Обычно считалось, что человек, у которого ожогом третьей степени поражена третья часть кожного покрова, обречен на гибель. Здесь ожог охватил больше половины тела. И тем не менее не хотелось и думать, что этот молодой, полный сил и планов юноша должен погибнуть.

Андреева и ее коллеги применяли различные методы лечения. Однако они только поддерживали молодой организм. Удалось предотвратить заражение крови — это было первой победой. Но сплошные раны не заживали.

Человек в беде...

Соседи по палате, сами страдавшие различными недугами, стали доброволь-

ными помощниками врачей, сестер, нянь. Из всех сил они старались облегчить состояние того, кому было еще тяжелее.

Из конструкторского отдела Южуралмаша, из заводского комсомольского комитета, из многих других мест звонили, приходили, приезжали в больницу. У всех был один и тот же вопрос: что сделать, как помочь?

А пересадка кожи?..

За эту мысль ухватились сразу.

Пересадка — операция мучительная. Не столько для Русинко — его мучения и так неизмеримы, — сколько для тех, здоровых, которые должны дать свою кожу. Найдутся ли добровольцы?

Нашлись!

Клавдия Ильинична в раздумье шла по больничному коридору, когда к ней подошли две девушки-практикантки из медицинского училища. Они волновались и потому говорили сбивчиво. Не сразу дошло до врача, о чем идет речь. Наконец, хирург поняла: девушки предлагали для пересадки незнакомому им молодому инженеру свою кожу.

Это были Валя Жандармова и Роза Муртазина.

На следующий день они легли на операционный стол, заранее потребовав, чтобы их «не щадили» — брали столько кожи, сколько нужно.

180 квадратных сантиметров кожи взяла у них Андреева. Операцию девушки перенесли стойко, мужественно. Сами оказавшись больными, они думали только о Константине Русинко — помогла ли ему пересадка?

«Валя и Роза, вы настоящие героини! — передали им записку от молодых машиностроителей. — Гордимся вами!»

Но больше всех писем, телеграмм и подарков Валю и Розу порадовал официальный документ, напечатанный на машинке. Это был протокол заводского комсомольского собрания.

«Слушали: о спасении жизни К. Русинко.

Постановили: одобрить решение 25 членов ВЛКСМ — при первой необходимости дать свою кожу для пересадки К. Русинко».

Такая необходимость появилась уже вскоре. Прямо с работы пришли в больни-

цу, чтобы лечь на операцию, Александр Мальцев, Леонид Баранов, Александр Танцуренко, Леонид Мурашко...

Новые и новые люди включались в битву за жизнь, за здоровье товарища.

Он должен жить!

Здоровье Константина медленно улучшалось. Но радужные надежды оказались обманчивыми.

Болезнь осложнилась воспалением легких. На ногах появились гнойные очаги. Вновь наступило ухудшение.

За окном бушевала весна, однако теплое апрельское солнце не могло согреть Русинко. Ему было плохо, очень плохо.

Комсомольцы отправили телеграмму в Москву, в Министерство здравоохранения СССР. Четыреста слов, переданных по телеграфу, дышали тревогой. «Помогите!» — просили рабочие и инженеры завода. Не прошло и двух дней, как профессор М. И. Левантовский — известный специалист-хирург, привез новые лечебные средства. Советы профессора, новейшие медикаменты позволили вновь остановить наступление болезни.

Пока только остановить...

Больной требовал особенного внимания, особого ухода. О том, чтобы вызвать мать, Константин не хотел и слушать. Больное сердце матери не выдержит горя, повторял он. Тогда комсомольцы установили у его постели свой постоянный пост.

Эту обязанность, трудную и ответственную, поручили копировщице Зитте Легис. Девушки из копировального бюро взяли на себя все производственные задания подруги, стали работать и за нее.

С утра до вечера находилась Зитта в палате. Как самая заботливая сестра, ухаживала она за Костей, заодно и за другими больными, нуждавшимися в ее помощи.

Следила за выполнением всех врачебных предписаний...

Вслух читала книгу за книгой...

Кормила...

Русинко нуждался в усиленном питании, в специальном столе. Заботы об этом взяла на себя мать Зитты — Алла Федоровна. Она готовила завтраки, обеды, ужины и возила их в больницу. Каждый день десять, двадцать километров в автобусах, на попутных машинах. Алла Федоровна никогда прежде не видела Константина, а теперь он был ей, как сын. «Больше фруктов, хорошо бы виноград», — говорили врачи. Каждый, кто выезжал в командировку на юг, получал вместе со служебным заданием, и другое — отправить посылками, привезти с собой фрукты, апельсины, виноград.

— Зитта, уже поздно. Ты из-за меня не видишь лета, — как-то сказал Костя.

— Не надо, — просто ответила девушка. — Был бы ты здоров. А лето... Лето будет и на следующий год.

Первый полет

Зитта узнала адрес Костиной сестры и написала ей обо всем. Та откликнулась телеграммой, а несколько дней спустя была в Орске. Тем временем врачи пришли к выводу: состояние больного улучшилось, но лечение целесообразно продолжить в условиях клиники.

Оренбург в трехстах километрах. Как перевезти человека, для которого малейшее движение сопряжено с болью? Товарищи по заводу, медицинский персонал больницы перебрали все способы. Лучше всего самолетом...

— Высылаем машину санитарной авиации, — сообщили из областного центра.

За перелетом следили так, словно ставился невиданный рекорд. «Как он?» — думали в конструкторском отделе. «Все ли благополучно?» — волновались в больнице. Орские телефонистки соединяли с

оренбургским аэродромом вне всякой очереди. И вот, наконец, сообщение: самолет прибыл, состояние больного удовлетворительное. Он отправлен в клинику.

В областной клинической больнице жизнь человека приняли врач Козлов и его помощники, специализировавшиеся на оказании помощи при ожогах. Но по-прежнему рядом с Костей были и его друзья.

Заместителя главного конструктора Южуралмаша Филиппа Макаровича Четырбока незадолго перед тем назначили на ответственный пост в Оренбургский совнархоз. Свою квартиру он предоставил сестре Константина, а затем приехавшей ей на помощь Зитте. И в обкоме комсомола, и в совнархозе, и в областном отделе здравоохранения — всюду знали о битве с болезнью, которая идет в одной из палат клиники.

Ожоги заживали чрезвычайно медленно. Лучшие средства, которые вполне себя оправдывали в других случаях, здесь оказывались слабыми, недостаточными. Оренбургские медики связались с другими клиниками. По телефону, телеграфу, почтой шли запросы: сообщите об имеющихся у вас новых методах лечения ожогов? Один из ответов особенно заинтересовал: в Ужгороде добился блестящих успехов врач Василий Яковлевич Плахотнюк.

Ужгород был родным городом Константина.

Снова в путь

Как поступить?

Зитта выехала в Орск, и прямо с поезда поспешила на завод.

— Нужно отправлять самолетом, — высказали свое мнение в комитете ВЛКСМ.

Комсомольцы завода объявляют воскресник по сбору металлического лома. Заработанное — для помощи товарищу...

Руководители области связываются с территориальным Управлением гражданского воздушного флота...

Говорит свое слово Центральный Комитет ВЛКСМ...

Русинко летит в Закарпатье — край, в котором родился, где прошло его детство и где должно прийти к нему лечение.

И в воздухе Константина окружали заботливые советские люди. История его стала известна экипажу. Командир само-

лета, штурман, бортпроводница использовали каждую свободную минуту, чтобы подойти к больному.

Мы не будем описывать дорогу. Впрочем, как не рассказать об эпизоде, происшедшем неподалеку от Москвы?

Незадолго до посадки сопровождавшие Константина Русинко узнали, что самолет приземлится в Быково. А ведь они рассчитывали на Внуковский аэродром! Там ожидает машина «Скорой помощи», туда выедет специалист... И потом, именно из Внуково вылетает другой самолет, на который им предстоит пересестись... Командир экипажа, узнав о волнениях, немедленно связался с Москвой, а затем, получив согласие других пассажиров, изменил курс.

Победа!

Молодой хирург Василий Яковлевич Плахотнюк давно изучает способы лечения при ожогах. Самые эффективные методы он применил, чтобы поставить на ноги своего нового пациента. Константину сделали еще одну пересадку кожи — на этот раз ее дали закарпатские комсомольцы.

Русинко поправлялся. И вот однажды врач пришел в палату с костылями.

— Будем учиться ходить, — проговорил он с улыбкой.

В тот день Костя написал в далекий Орск радостное, взволнованное письмо.

...Почтальон почти ежедневно приносит весточки Константину Русинко. С глубоким интересом, с волнением читает и перечитывает он письма от друзей. Друзья рассказывают о своей жизни, о работе. Слышал о пуске металлургического завода в Бхилаи? Много машин для него сделано на Южуралмаше. Закончили сборку мощного непрерывно-заготовочного стана для Китая. В Липецке смонтирована установка для непрерывной разливки стали — это тоже дело рук орчан. У конструкторов работы все больше. Коллектив пополняется молодежью. О нем, Косте, знают все. Ждут на заводе.

Вот и вся история, невыдуманная история о дружбе, которая оказалась сильнее смерти.

г. Орск, Оренбургской области

«Я не могла поступить иначе»

Светлые радужные пятна возникли среди непроглядно черной мглы. Они сливались в одно сверкающее зарево, исчезали, появлялись снова. Наконец, сияние установилось ровным, а в нем обозначились контуры лица. Тимофей узнал его — это было лицо Тамары Ильдаровны.

Прикосновение руки к волосам отозвалось острой болью в голове. Но боль окончательно возвратила к бытию. Теперь обозначились углы палаты, широкие окна, светящиеся стены и потолок.

«Я жив, — сказал себе Тимофей. — Но почему я жив?»

Боль мешала думать. Ее ощущала каждая клетка тела от пальцев на ногах до кожи на голове. И все-таки желание понять, почему он жив, оказалось сильнее.

Тимофей не сводил глаз с лица Касимовой. Рука его потянулась к груди,

Окончание. Начало смотри в № 3, 4.

В ПОИСКАХ

к тому месту, где находилось сердце. Никаких следов повязки или трубок от автожектора. Значит, он остался живым и невредимым.

— Ты слышишь меня? — спросила Тамара Ильдаровна.

Тимофей отвернулся и закрыл глаза. В эту минуту он ненавидел преемницу Золкина.

— Глупый ты, глупый, — снова заговорила Тамара Ильдаровна. — Зачем ты задал нам еще столько хлопот? Ведь мы и без того пощадили Людочку.

Боль сразу исчезла. Мир вдруг наполнился звуками, которые ускользали от слуха: чьи-то шаги в коридоре, шум пролетевшего самолета, шелест листвы за окном... Но это длилось недолго. Радужное сияние снова скрыло лицо Тамары Ильдаровны.

Сутки за сутками проходили в раскаленном тумане. Нервная ткань восстанавливается чрезвычайно медленно. Если б не открытые в последнее время биогенные нейростимуляторы, ее вообще не удалось бы восстановить. Через определенные промежутки времени состояние Тимофея улучшалось. И тогда у кровати появлялась Касимова. Она садилась у изголовья, поправляла одеяло, подушку.

— Почему вы решили пощадить Людочку? — спросил Тимофей, когда у него хватило сил задавать вопросы.

— Я не смогла заставить себя поступить иначе, Тимофей Петрович. Не знаю, поймешь ли ты. Как взглянула на нее, юную, красивую, так и руки опустились. Подумала: если бы она была моей дочерью? У меня не было детей, хотя я всегда мечтала иметь дочку. И еще... это главное... я подумала: что сделал бы на моем месте сам Иосиф Матвеевич? Нет, он бы не позволил менять жизнь на жизнь. Никогда бы не позволил! Как бы я потом посмотрела ему в глаза?

— Тамара Ильдаровна! — Тимофей

порывисто схватил ее руку и прижал к воспаленным губам.

Пальцы Касимовой перебирали спутанные волосы Тимофея. Только теперь он заметил, что и для женщины минувшие дни не прошли бесследно: она постарела сразу лет на десять.

— А кого же... вместо Людочку? — удивившись своей радости, спросил Мишкевич.

— Никого.

— Что?!

Тимофей отпрянул от Касимовой. Она посмотрела на него усталым, долгим взглядом, и Мишкевич не понял, чего больше в этом взгляде: страдания или непреклонной воли.

— Иосиф Матвеевич никогда бы не простил мне своего спасения за счет чужой жизни, — снова повторила Тамара Ильдаровна и расстегнула воротничок: ей было душно. — Я достаточно изучила его. Мы же столько работали вместе. Теперь я скажу тебе кое-что, Тимофей Петрович, только тебе. Это было очень давно. Я была такой же молодой, как и Людочка, хотя и не такой красивой. Нет, я была даже очень некрасивой. Но я любила Иосифа Матвеевича. Он читал у нас в институте хирургию и, конечно, ничего не знал о моей любви. Я осталась лишь его ученицей. И все любила. Я даже сейчас... слушать меня, наверное, очень смешно. Смешно, а?.. Я нашла счастье в том, что мы работали вместе и он ценил меня, как своего лучшего помощника. Сколько замечательных экспериментов мы с ним проделали! А какие смелые операции у нас получались! Ты же видел нашу работу. Моя жизнь принадлежала ему. И вот я поступила так, словно выполняла его последнюю волю...

Тамара Ильдаровна смотрела поверх Мишкевича. Лицо ее окаменело, руки бессильно упали на колени.

— Золкина больше не существует, — медленно проговорила она.

БЕССМЕРТИЯ

Еще одно усилие мысли и...

Тимофей трудно переносил последствия своего самопожертвования. Обострения продолжались с неумолимой периодичностью, напоминая сильнейшие нервные припадки. А Касимова не подавала надежды на скорое выздоровление, объясняя состояние Тимофея процессом естественного обновления нервных клеток.

Однажды, придя в палату, она присела к нему на кровать, заглянула в лицо и нерешительно заговорила:

— Я все собираюсь поговорить с тобой, да боюсь: разволнуешься.

— Что я — ребенок?

— Тимофей Петрович, родной, очень нужно разобраться, что произошло в тот вечер, когда ты привез в клинику Иосифа Матвеевича. Нет, нет, я ни в чем не собираюсь упрекать тебя. Верю, ты поступил честно. Но Иосиф Матвеевич... Ведь он отлично знал, чем может кончиться его ночное путешествие. Понимаешь, знал! Значит, какие-то особые обстоятельства заставили его покинуть постель. Помоги мне разобраться, Тимофей Петрович. Хожу я эти дни, как ненормальная. Из головы не выходит: что, если наш Золкин нашел ключ к решению проблемы эластичности?

Тимофей приподнялся на постели, но в голове сразу помутилось от хлынувшего в нее огня.

— Иосиф Матвеевич очень хотел попасть в лабораторию, — прошептал Тимофей, опуская голову обратно на подушку. — Он собирался произвести какой-то решающий эксперимент, но не захотел объяснить мне его.

— Так я и знала! — Касимова вскочила. Сжимая и разжимая пальцы, прошлась по палате. — Я должна щадить тебя, но что делать, если время не ждет? Ты был с Иосифом Матвеевичем в его последние минуты. Ты видел его, разговаривал с ним. Одно только нечаянно оброненное слово может открыть нам его находку.

Поведение Касимовой выражало явное нетерпение, нервозность. Она, врач, забыла, что больной нуждается в покое, и жадно вслушивалась в его голос.

Как ни скверно чувствовал себя Тимофей, он, напрягая память, стал передавать подробности тех событий, которые

привели к смерти Золкина. Только сейчас, сквозь жар в голове, понял он их истинный смысл и ужаснулся своей нерадливости: на его глазах совершалось открытие, а он — единственный свидетель и невольный участник этого открытия — оказывается, ничего не видел и ничего не понял. Теперь все зависело от пронизательности Касимовой.

Помутневшие глаза уже не различали собеседницы. Боль в голове росла, сердце заходило от нестерпимого жара...

Тимофей не помнил, на каком слове потерял сознание. Но когда снова пришел в себя, Тамара Ильдаровна по-прежнему стояла у его кровати. Ее руки были засунуты в карманы халата, а усталые, лихорадочно блестящие глаза смотрели прямо в лицо Тимофея.

— Молчи, — сказала она, видя, что он собирается продолжить свой рассказ, — молчи. Я злая женщина, меня бить некому. Набирайся сил, дорогой.

Больной уснул. Он не слышал, как входили и выходили дежурные врачи, сестры, лаборантки, как присоединяли к его рукам провода анализаторов, впрыскивали питательные растворы с помощью пистолета Григорьева.

Сон принес временную бодрость. Еще не открыв глаза, Тимофей почувствовал: Касимова в палате. И не ошибся. Женщина сидела на стуле, ожидая пробуждения больного. Мишкевич подумал: «Да уходит ли она вообще отсюда?»

— Сколько я уже в постели? — спросил он.

— Двенадцатый день, — ответила Тамара Ильдаровна.

— И не скоро еще встану?

— Не скоро, дорогой. Ой, не скоро. Не хочу огорчать тебя, но ничего не поделаешь.

Тимофей стал вспоминать: о чем они говорили последний раз?

— Все началось с того, — сказал он, — что Иосиф Матвеевич увидел на моей ладони кровь.

Тамара Ильдаровна утвердительно кивнула головой. Догадка Тимофея совпала с ее собственной догадкой.

Задыхаясь от боли, он продолжал:

— Все мысли Иосифа Матвеевича в эти дни были заняты только катализатором.

Тимофей снова вспоминал каждую мелочь в поведении Золкина, а Тамара Иль-

даровна смотрела на него черными немигающими бусинками глаз.

— Кровь... — сказала она громко. — Кровь... Неужели разгадка кроется в крови? Катализатор, а? Но с какой стати? Тимофей Петрович, голубчик?

— Какие в крови есть катализаторы? — спросил он.

— Масса!

— А самый активный?

— Тромбокиназа.

Теперь они глядели друг на друга, ожидая, у кого вперед сорвется с языка разгадка.

— Тромбокиназа, — повторил Тимофей, вслушиваясь в звучание этого слова. — Та самая, которая способствует свертыванию крови? Припоминаю. Главную роль в ней играют ионы кальция.

— Но с солями кальция мы проделали уйму экспериментов.

Тимофей откинул одеяло. Тело его покрылось испариной не то от очередного надвигающегося приступа, не то от близкого решения задачи, которое взволновало, потянуло одну мысль за другой. Он сел, покачиваясь от слабости, запустил обе пятерни в вихры своих волос. И что-то неведомое прежде, стремительное подхватило и понесло его вперед так, что на минуту помутилось в голове. Нет, это не был припадок. Сквозь туман светилась разгадка. Она плавала в нем далеким призрачным пятнышком. Но это было само солнце. Нужно только взглянуть в него, сбросить с глаз серую пелену.

Вот оно — открытие!

Силы восстанавливались чрезвычайно медленно. И хотя нервные приступы повторялись все реже, каждый из них нельзя изматывал ослабевшего Тимофея.

Но и в бреду и наяву он теперь не переставал думать о таинственной тромбокиназе. Не покидая постели, он возвратился к исследовательской работе — работе мысли.

«Тромбокиназа, — размышлял Тимофей. — Только одна сторона вопроса. Что же еще? Еще...»

— Последнее время, — вспоминал он, — Иосиф Матвеевич особенно сильно интересовался люминофорами. Каждый день он спрашивал меня, почему я не поддерживаю связь с Григорьевым. И лицо у него при этом всегда было очень недовольным. А что, если...

Тамара Ильдаровна застыла посреди палаты. Тимофей видел, как шевелятся ее пальцы в карманах халата.

— Ну? Продолжай, родной, продолжай.

Тимофей колебался. Люминофоры и капелька крови... Люминофоры и... тромбокиназа. Нужно иметь большую смелость, чтобы соединить их мостиком логических рассуждений. Но глаза Касимовой подталкивали, торопили его.

Медленно и упорно добирался Мишкевич до сути предсмертного открытия Золкина. Он и не подозревал, что в это время сам совершает открытие. Ведь мысль, так поразившая Иосифа Матвеевича, осталась неизвестной Тимофею, и, кроме капельки крови, не было никакой зацепки. В памяти не удержалось ни одного намека или нечаянно оброненного слова.

Будущий ученый переходил рубикон. Он еще пугался собственной смелости, но знал, но уже чувствовал, что не посмеет остановиться. Колебания не были долгими. Касимова видела уже немножко другого Тимофея. События минувших дней вместо того, чтобы надломить, ожесточили его. Впервые, еще в плену болезни, ощутил он в себе не случайную вспышку, а настоящую окрепшую волю.

Люминофоры... Перед уходом с завода в клинику Мишкевич осваивал группу нитридов, металлоазотистых соединений. В его распоряжении находилась новейшая аппаратура для синтеза, с помощью которой удавалось избавиться от самого ничтожного количества посторонней примеси. И когда Тимофей подверг такой очистке нитриды, они неожиданно приобрели ярко выраженные люминофорные свойства. Тимофей не успел сделать теоретических обобщений, за него это, очевидно, выполнил Григорьев.

Неужели же Золкин сам поддерживал связь с Григорьевым и знал о нитридах не меньше Мишкевича?

«Тромбокиназа — белковое вещество, содержащее азот, — размышлял Мишкевич. — Она становится катализатором при контакте с внешней средой. Это превращение, как установили биохимики, есть результат ионизации атомов азота».

Однако воздействие внешней среды многообразно: температура, лучевая радиация, ионы воздуха, свободный кислород... Что же именно ионизирует азот

в тромбокиназе, оставалось до сих пор загадкой.

Проведя параллель между группой нитридов и белковым катализатором, Мишкевич смог ответить и на этот волнующий биохимиков вопрос.

Азот является основой нитридов. Нитриды приобретают люминофорные свойства лишь в том случае, когда удается ионизировать атомы азота. Источник ионизации в данном случае известен, и он, без сомнения, тот же самый, что и в тромбокиназе. Это — свет!

Так не способен ли свет превращать азотистые соединения из люминофоров в катализаторы?

— Постой, дорогой, постой! — Касимова разволновалась и замахала на Тимофея руками. — Не своди меня с ума. Разве мало мы перебрали органических катализаторов? Были у нас и азотистые. Сколько угодно! А разве мы не использовали световое воздействие на реакцию синтеза? Годами возились со световыми возбудителями.

— Капелька свернулась на моей ладони, — возразил Тимофей, — еще до того, как я зажег свет в комнате Золкина.

— Ага, видишь!

— Но самая темная ночь, — Тимофей захлебывался от радости — радости открытия, — наполнена светом. Вспомните инфра-красное излучение! Слышите, красное. Красное, черт побери! Цвет крови. А нитриды, люминофоры Григорьева? Да ведь они лучше всего аккумуляруют именно инфра-красный свет.

— Иосиф... — Касимова прижала кулаки к груди. — Иосиф, — прошептала она, — ты вел нас по верной дороге. Слава тебе...

— Дайте мне бумаги, — потребовал Тимофей. — И карандаш.

...Спустя час из ворот клиники вылетел темно-голубой сигарообразный электромобиль. Его вела Касимова. Машина развернулась и помчалась в сторону завода полупроводниковой аппаратуры.

Первая операция

Григорьев сказал: «Да. Главный хирург, бывая на заводе, особенно интересовался нитридными люминофорами».

Догадка Тимофея блестяще подтвердилась при первых же экспериментах.

Свершилось долгожданное: молекулы полимера под действием нового катализатора соединились в прочную упругую массу.

На исходе жаркого июньского дня, жаркого от знойного солнца, и от того напряжения, с которым работала вся лаборатория, Виктор Викторович извлек из ванны электролитического аппарата небольшой комочек тягучего бледно-розового вещества. Он потер его между пальцами, попробовал скатать шариком, но вещество упрямо сохраняло свои формы.

— Похоже, что это как раз то, что нам нужно, — медленно произнес Блинов. — И верится, и все еще не верится.

Касимова нетерпеливо отняла у Блинова розовый комочек и сжала его пальцами. Вещество сокращалось упруго, как резина.

— Хорошо! — женщина заулыбалась. — Замечательно! Давай проверим на раздражимость.

Из нового вещества приготовили кушечек яйцеобразной формы и присоединили к нему два стерженька от импульсного источника тока. Едва включили напряжение, розовый комочек вздрогнул и сжался. На каждый толчок электрического тока он отвечал чутким и сильным сокращением.

— А ведь это, в сущности, новый вид электрического двигателя, — сосредоточенно глядя на пульсирующий полимер, произнес Блинов. — Непосредственное превращение электричества в механическую работу. Думал ли наш Золкин о том, какую революцию в электротехнике может произвести его искусственное сердце?

До поздней ночи Блинов и Касимова просидели за наблюдениями над этим ожившим куском некогда мертвой материи. Они смотрели на него с надеждой и страхом. Действительно ли удалось, наконец, решить секрет эластичности? Ведь сколько раз обманывались они в своих ожиданиях!

Утомленный, Виктор Викторович ушел домой, а Тамара Ильдаровна понесла образец нового полимера к Тимофею. Она присела на край кровати и долго ждала пробуждения больного.

— Вот он, видишь! — Касимова торжествующе подняла руку. — Мы получили его. Инфра-полимер, будущее сердце человека!

Тимофей резко приподнялся, но боль заставила его снова лечь. Глаза неотрывно смотрели на нежно-розовый комочек, лежавший на ладони Тамары Ильдаровны. Отзываясь на биотоки в ее коже, он тихо вздрагивал...

Полимер-полупроводник пульсировал и сутки, и двое, а никаких изменений в его структуре не намечалось. Уверившись, наконец, в успехе, Тамара Ильдаровна сказала Блинову:

— Давай изготавливать модели и попробуем их на животных.

Модель изготовили за восемь дней. Затем ее поставили на испытание. Сорок пять дней, не останавливаясь ни на минуту, работало искусственное полимеровое сердце в цилиндрическом сосуде, прогоняя питательную жидкость Блинова.

В лабораторию доставили партию животных, трех породистых овчарок и сеттера. Сеттеру Рыжику первому решили заменить сердце.

В тот день вся лаборатория была на ногах. Началась решающая стадия исследований работ.

В экспериментальную операционную привели ничего не подозревающего, дружелюбно настроенного сеттера. Его уложили на стол, включили электрический сон.

И пока шла операция, ни одна лаборантка не села к своему рабочему месту. Девушки выстроились вдоль стен операционной, сидели в коридоре. В лаборатории наступила совсем особая тишина. Десятки глаз следили за каждым движением Касимовой...

Прошел час, еще час, еще... Тамара Ильдаровна работала молча, сурово сомкнув губы. Ее напряженно сузившиеся глаза почти совсем исчезли под сдвинутыми бровями. Некрасивое скуластое лицо женщины казалось каменным. Ассистенты, добрая дюжина помощников у операционного стола, у аппаратов, у контрольных приборов, помогали ей также молча, понимая ее без слов.

Операцию закончили под вечер. В груди собаки пульсировало искусственное сердце.

Наложив последний шов, Тамара Ильдаровна выпрямилась, швырнула окровавленную иглу в таз и оглянулась на Блинова.

— Вот! — сказала она вслух, улыбаясь

через силу. — Устала я дико. Виктор Викторович, дай руку.

Опираясь на руку Блинова, Касимова вышла из операционной.

— Маша! — крикнула она сестре. — Чаю! Крепкого, сладкого!

Губы Тамары Ильдаровны дрожали от радости. Глаза щурились и смеялись. Только усталость была так велика, что добрый час она не могла подняться на ноги.

Рыжик?!

Двое суток Рыжика держали под электрическим наркозом.

— Варвары, — ворчал Виктор Викторович, страстный охотник. — Этому псу цены нет. Я бы вам вместо него десять овчарок привел.

— Подожди, дорогой, — успокаивала его Тамара Ильдаровна. — Теперь Рыжик еще лучше станет. Сердце неутомимое, все охотники от зависти лопнут.

На третьи сутки электросон выключили. Рыжик начал приходить в себя. Он открыл глаза и в ответ на оклик Виктора Викторовича сделал попытку пошевелить хвостом. Сеттер был очень слаб. Забинтованного пса перенесли в палату под наблюдение врачей. Туда тотчас же началось настоящее паломничество. Рыжика навещали лаборантки, врачи и даже больные. Фотография пса появилась сначала в областной газете, потом в центральной. Касимову замучили приглашениями. Она выступала с рассказом в заводских Дворцах культуры, в Доме ученых, в школах, по радио, по телевидению.

Четвероногий пациент поправлялся довольно быстро. Через две недели после операции его уже выпустили в коридор. Нетвердо ступая по мягкому ковру, Рыжик прошелся следом за Блиновым. Вид у собаки был немного грустный: видимо, организм еще не свыкся с инородным телом.

Только месяц спустя Рыжик заметно повеселел. С него сняли повязку. Сеттера непрерывно подвергали контролю с помощью биологических анализаторов, исследовали взаимоотношения искусственного сердца с другими органами тела.

Касимова часто оставалась ночевать в клинике, ночью вставала и приходила к Рыжику.

— Что, дорогуща? — обращалась она к собаке. — Как наши дела?

Сеттер клал ей лапы на плечи и пытался лизнуть в лицо.

— Фу, какой ты глупый! — смеялась она. — И чего радуешься? Я же у тебя совсем здоровое сердце выбросила. Ты только живи, долго живи. Сто лет! Понял? В семьдесят первой палате у нас дела тревожные. Не знаешь? А? То-то...

...Это было самое неприятное. На трех установках самописцы отметили грозные признаки необратимых явлений. В организмах людей, чья жизнь зависела от работы автожектеров, со дня на день могло начаться нарушение обмена веществ. Среди этих троих оказалась и Людмила Бешаш.

Нужно спешить, спешить!

В начале сентября Тамара Ильдаровна разрешила Блинову вывести Рыжика в парк. Едва вышли из клиники, сеттер с радостным лаем устремился вперед, за-

метался вокруг Виктора Викторовича, приглашая его поиграть.

— Победа! — закричал Блинов. — Вот когда мы можем по-настоящему поздравить друг друга, Тамара Ильдаровна. — Он отломил от куста ветку и бросил ее в чашу парка. — Пиль, Рыжик!

Раздвигая грудью кусты, пес бросился за веткой. За ним наблюдали из всех окон клиники. Врачи, сестры, лаборантки высыпали на крыльцо.

Кровать Тимофея подкатили к открытому окну, и, он несмотря на протесты дежурной сестры, перебрался на подоконник. Его покачивало от слабости, пьянил голову свежий воздух.

Осень... Но как сияет солнце! Небо чистое, воздухом не надышешься. Вот еще немного окрепнут ноги, и Тимофей спустится к спящей Людмиле. Теперь уже недолго ждать ее пробуждения.

...Над кустами взлетела стайка вспугнутых воробьев. Подхватив ветку, сеттер повернулся, чтобы возвратиться к Блинову. Но вдруг передние лапы его распозлились в стороны, словно попали на что-то

скользкое. Пес нелепо ткнулся мордой в траву, устало повалился на бок и... замер.

— Рыжик?!— ахнула Касимова.

Блинов одним прыжком очутился около сеттера. Он поднял собаку на руки и почувствовал, как предсмертная агония пробегает по телу животного.

— Мертв...— шепнул он подошедшей Тамаре Ильдаровне.

— В лабораторию! На стол!

Тимофей медленно сполз с подоконника обратно на кровать. Он полежал немного, зарывшись головой в подушку, пережидая, пока утихнет нервный тик в висках.

— Где моя одежда?— спросил он сестру.

— Зачем она вам?

— Плясать.— Тимофей спустил ноги с кровати. Встал, шатаясь и хватая руками воздух.— Черт с ним, пойду в таком виде...

— Куда вы, Тимофей Петрович?

За время болезни он разучился ходить. Ноги не сгибались в коленях, дрожали.

Сестра попыталась удержать больного, но тот посмотрел на нее с такой яростью, что она растерянно отступила.

Тимофей добрал до дверей. Открыть их не хватало сил. Сердце учащенно билось, на лице выступил пот. Пришлось прижаться спиной к стене, чтобы немного передохнуть.

Больной повернулся к сестре.

— Откройте!

У нее не хватило мужества отказать ему.

Едва ступив в коридор, Тимофей оказался лицом к лицу с Блиновым. Они не встречались с тех пор, как Мишкевич, услышав приговор Людмиле, покинул предоперационную. Биохимик ни разу не заходил к нему в палату, всем поведением своим подчеркивая, что не может простить, пусть даже самого косвенного причастия к гибели главного хирурга. Правда, вслух он перестал высказывать свою антипатию к больному человеку. Но ни самопожертвование Тимофея, ни его заслуга в открытии инфра-полимера не смягчили Виктора Викторовича.

Теперь Блинов с изумлением разглядывал Мишкевича, и узнавая, и не узнавая своего сослуживца. Они так давно не виделись. Кожа обтянула скулы инженера. В уголках сжатых губ, в глазах, потемневших и неподвижных, притаилось что-то новое, не по годам серьезное.

— Вы уже на ногах? — смущенно пробормотал Виктор Викторович. Он отлично знал, в каком тяжелом состоянии находился Мишкевич.

Тимофей, не отвечая, отстранил Блинова рукой и двинулся дальше, шагая точно деревянная заведенная кукла.

— Куда он? — спросил Виктор Викторович сестру.

— Не видите разве? — со слезами в голосе выдавила из себя сестра. — В секцию идет. Работать.

Биохимик на минуту забыл, что в операционной его ждет Тамара Ильдаровна. Поведение Мишкевича окончательно озадачило его. Он не мог оторвать глаз от упрямо бредущей фигуры в белом больничном одеянии.

...Самое трудное было подняться по лестнице. И Тимофею не удалось бы преодолеть этот последний участок пути, если бы ему не помогла сестра.

Только опустившись в кресло у ионного проектора, Тимофей потерял сознание.

Почему погиб Рыжик?

Касимова закончила вскрытие собаки. Искусственное сердце снова поместили в сосуд и включили контрольные установки. Заработала питательная система. Все оказалось в норме, никаких изменений в структуре полимера приборы не отметили. Определить, почему погиб Рыжик, в этот день так и не удалось.

Тамара Ильдаровна отпустила своих помощников, ушла в кабинет и закрылась на ключ. Она легла на диван, свернулась калачиком и, уткнув лицо в ладони, заплакала. Но плакала она тихо, торопливо.

— Иосиф, — всхлипывала Тамара Ильдаровна, — мне очень трудно без тебя. У меня ничего не получается. Я — тряпка, бездарность. У меня нет больше сил...

В это время взлохмаченный Виктор Викторович с воспаленными от усталости глазами и с расстегнутым воротом рубашки продолжал сидеть у ионного

проектора. Десятый, двадцатый раз он проверял биохимические процессы в инфра-полимеровой ткани. Десятый, двадцатый раз он получал одну и ту же закономерность и убеждался в ее полном соответствии расчету.

В три часа ночи, освободив наконец измученных лаборанток, он постучал в кабинет Касимовой.

— Вот, — сказал он, потрясая охапкой бумажных лент с кривыми, — смотрите: мы ни в чем не ошиблись. Ткань не могла подвести. Мы в чем-то сами подвели себя.

— Спасибо, дорогой, — Касимова приняла у него ленты. — Но ты, пожалуйста, оставь меня одну. Мне нужно подумать. Хорошо подумать. Вдвоем не получится. А ты отдыхай.

Всю ночь женщина не сомкнула глаз. Уже под утро порывисто вскочила с дивана и схватила ленты, составленные Блиновым. Она всматривалась в них сосредоточенно и торопливо.

— Горе и усталость застлали тебе глаза, — сказала она вслух. — Ты позволила себе размякнуть. Стыдно!

Вздых облегчения вырвался из ее груди. Надежность искусственного сердца выше, чем предполагали они оба с Виктором Викторовичем. А Рыжик умер просто от шока. Поторопились дать ему большую нагрузку. Искусственное сердце еще не сработалось, не «сдружилось» как следует с остальными органами, а главное, с центральной нервной системой. Не надо было спешить.

Тамара Ильдаровна привела себя в порядок, позавтракала. В девять утра она совершила положенный обход палат и отдала приказание подготовить животное и аппаратуру к очередному эксперименту.

Спустя несколько часов, искусственное сердце было поставлено овчарке Альфе.

« И д и ! »

Голова была ясной, нервные припадки прекратились, дни потянулись особенно медленно. Тимофею разрешили читать, делать расчеты, сидеть у окна. И только категорически запрещалось покидать палату.

Однажды дверь распахнулась, и к Тимофею вошел необычный посетитель. Это

был Блинов. Он небрежным движением пододвинул себе стул и сел.

— Вы не любитель охоты? — спросил он.

— Нет. — Тимофей пытался понять, что могло привести к нему биохимика, но разве прочтешь что-нибудь на этом самолюбленном лице?

— Жаль. Я думал, вы после выздоровления составите мне компанию. Вам ведь теперь нужно укреплять нервную систему.

И вдруг Тимофей поймал на себе испытующий, и не то сочувствующий, не то насмешливый взгляд Виктора Викторовича.

— Как идут исследования? — спросил Тимофей.

— Тамара Ильдаровна не говорила вам? Мы поставили на испытание полимеровое человеческое сердце. Работает чудесно. А как насчет лыж?

— Вы ходите на лыжах?

— А я, коллега, да будет вам известно, — мастер лыжного спорта.

— Неужели? — искренне удивился Тимофей.

— И к тому же чемпион Перекатовска по лыжам и по плаванию. Вот встанете на ноги, я возьму шефство над вами. Как, не возражаете?

— Да нет, пожалуй.

— У меня в секции все девчонки ходят на лыжах. Половина из них разрядницы. Могу похвалиться и в другом: мы совершали восхождение на Эверест.

— Вы?

— Я и мои девчонки. И знаете, как это здорово получилось...

Незаметно они разговорились. Блинов ко всему прочему оказался замечатель-

ным рассказчиком. Он одинаково увлекательно описывал случаи на охоте, первые встречи с Золкиным, сбежавшую из лаборатории двухголовую собаку и до смерти перепугавшую жителей города...

Тимофей хохотал так громко, что в палату заглядывали сестры.

А когда Блинов стал извиняться, что так долго задержался и утомил своей болтовней, Тимофей спохватился и подумал: «Да уж такой ли он на самом деле, каким кажется?»

Виктор Викторович уже раскрыл двери, но тут же закрыл их, вспомнив, зачем, собственно, пришел.

— С девушкой все в порядке, — сказал он. — Вы ни о чем не беспокойтесь. Поправляйтесь спокойно.

— Спасибо, Виктор Викторович.

Тимофею захотелось пожать руку биохимика, но тот стоял на большом расстоянии.

Прошло еще три дня.

У Тимофея появился зверский аппетит. И руки, и голова просили работы. То, что он делал в палате, его уже не удовлетворяло. И, главное, он хотел видеть Люду. Хотя бы на минуту!

«А почему бы мне и не сходить к ней?» — задумался Тимофей.

Под вечер, когда в коридорах клиники наступила тишина, он плотнее запахнулся в халат и вышел в коридор. Вот и знакомые двери в тупике... Небольшая квадратная комнатка... Кнопки над нишей... Приглушенное журчание лесного ручья...

Распахнулись двери в автожакторный зал, Тимофея обдало холодом. Яркое голубое сияние ослепило на минуту. Сдерживая дыхание, Тимофей двинулся к знакомому саркофагу. И остановился, еще не дойдя до него: колпак не был освещен, на пульте погашены все лампочки.

Сердце стучало от предчувствия беды. Темный колпак, подобно окну в неосвещенную квартиру, заслонял от глаз внутреннее пространство. Тимофей обернулся к пульту, разыскал кнопку под этикеткой «Колпак» и нажал ее. Колпак начал медленно приподниматься. Обнажилось пустынное ложе, над которым торчали концы отсоединенных трубок и проводов. Людмилы не было.

До утра он не сомкнул глаз, все порывался позвонить Касимовой, но сдерживался и только ходил, ходил по палате, потирая виски.

В восемь утра Касимова вошла к нему в палату.

— Где Люда? — спросил Тимофей.

— Не вытерпел, — руки Тамары Ильдаровны не сразу нашли карманы халата. — Что ж... идем.

Она повела Мишкевича по коридору в левое крыло. Он понял, куда Касимова увлекает его, и ни о чем не спрашивал. Сердце, казалось, остановилось от ожидания.

Там, где коридор поворачивал направо, женщина вынула руки из карманов и пошла впереди спокойным, размеренным шагом, как ходила во время ежедневного обхода палат.

У дверей одной из палат Касимова остановилась. Она оглянулась. Ликующие глаза ее, губы, дрожащие в тщетно сдерживаемой улыбке, заставили Тимофея замереть на месте.

— Иди! — почему-то шепотом сказала Тамара Ильдаровна.

Он распахнул дверь...

Посреди небольшой палаты стояла единственная койка. У изголовья сидела дежурная сестра и вслух читала книгу. Заметив вошедших, сестра умолкла. Тогда Тимофей увидел лежавшую на койке девушку.

— Люда?..

Он смотрел и не верил своим глазам.

Победа

Прошло несколько месяцев.

В декабре Людмиле разрешили выйти на улицу. Тимофей поддерживал ее под руку.

Стоявший у окна Блинов обернулся к Тамаре Ильдаровне и, указывая на молодых людей, сказал:

— Вы только подумайте: у такой престелстной девушки сердце из пластмассы! Что теперь останется воспевать поэтам?

Касимова помолчала, поглядела на заснеженные крыши домов, что виднелись за парком, и серьезно ответила:

— Человека.

...Спустя месяц было готово второе полимеровое полупроводниковое сердце. На операционный стол положили машиниста Чубаря.

Касимова строго оглядела своих ассистентов и опустила маску на лицо. Борьба за бессмертие продолжалась...

УСТИМ КАРМЕЛЮК В ЗАУРАЛЬЕ

Замечательного сына украинского народа Устима Кармелюка, не раз поднимавшего в прошлом веке крестьян Правобережной Украины на борьбу с крепостниками, царские сатрапы четыре раза ссылали в Сибирь. Четыре раза убегал он с каторги. Но до последнего времени историки не знали, в каком месте Тобольской губернии отбывал Кармелюк наказания.

Недавно врач Курганской областной больницы Василий Кузьмич Видута обнаружил в То-

больском государственном архиве любопытный документ «Алфавит о каторжных за 1829 год» (Фонд 330, Тобольская экспедиция о ссыльных, дело 25). Из любопытства он стал перелистывать ветхие страницы, и вдруг прочитал знакомое имя: «Устим Карманюк, он же Гавриленко». Не искаженная ли это фамилия Кармелюка?

Дальнейшие записи убедили Видуту в правильности догадки. «Подольской губернии, Литинского уезда из крестьян. За грабеж по приговору Подольского глав-

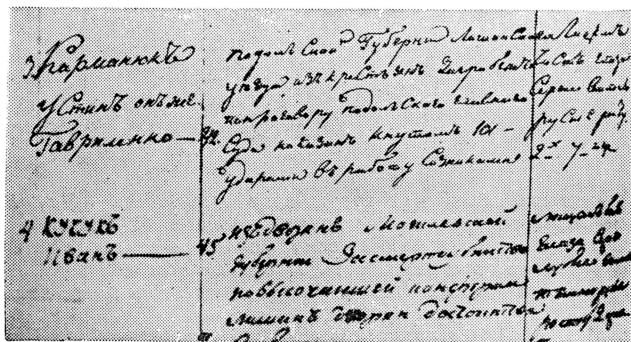
ного суда наказан кнутом 101 ударами, в работу со знаками» (На каторгу с клеймом).

Скупые записи в «Алфавите о каторжных» позволяют представить внешность Устима Кармелюка: «Лицом чист, глаза серые, волосы русые, ростом 2-х (аршин) 7 вершков».

Из тобольского документа видно, что Кармелюк 29 января 1829 года был отправлен в каторжные работы на Боровлянский стеклозавод (село Боровлянка, ныне Белозерского района, Курганской области). Но недолго носил он кандалы: Кармелюк рвался назад, на любимую Украину, изнывающую под гнетом панов. В особой графе «Алфавита» бесстрастная чиновничья рука вынуждена была сделать пометку: «Бежал 26 мая 1829 года».

Бежал, чтобы мстить!

В. Пашин

По следам «Уральского следопыта»

ЕЩЕ РАЗ О СНАРЯДЕ

О неразорвавшемся снаряде, который со времен гражданской войны торчал в стене старинной церкви села Покровского, мы рассказали в седьмом номере «Уральского следопыта» в 1958 году. А в конце 1959 года снаряда в стене не стало, осталось лишь отверстие. Куда он пропал? Кто смельчак, рискнувший освободить сорокалетнего пленника?

Им оказался учащийся горнопромышленного училища № 1 города Артемовского, покровчанин Альберт Лучинин. Осторожно расширив зубилом отверстие, он вытащил трехдюймовый шрапнельный снаряд.

Почему же он не разорвался, а застрял в кирпичной стене? Да потому, что головки у снаряда не было. Один только стальной стакан.

И вот все вспомнили случай,

происшедший в селе много лет назад. Копаясь однажды в огороде недалеко от церкви, сельские ребя-

та нашли удивительную штучку. Видом своим находка напоминала масленку, применяемую для смазки швейной машины. «Масленка» была большого размера и без носика. Ребята решили разобрать интересную штучковину. Но... взрыв чуть не разворотил баню, где проводился «эксперимент», и двое ребят были ранены.

Тогда никто толком не понял причину взрыва. А теперь все стало ясно. «Масленка» была не чем иным, как головкой шрапнели, которая отвалилась, прежде чем снаряд ударил в стену.

Свой «трофей» Альберт Лучинин передал в музей Покровской средней школы.

П. Коверда
А. Брылин

Гнездо

Приключенческая повесть

Продолжаем печатать повесть «Гнездо ветров». Автор этой части — Лев Румянцев — учился в Уральском государственном университете имени А. М. Горького, участвовал в работе университетского литературного кружка. Работал в газетах «На смену!» и «Красный боец», теперь он редактор отдела прозы журнала «Урал».

В 1952 году им была написана драма о Павлике Морозове «Песня о нем не умрет», поставленная Свердловским ТЮЗом и другими театрами страны.

В прошлом году в Свердловске был поставлен спектакль по второй его пьесе — «Друг в опасности!» (Первый вариант этой пьесы под названием «Следопыты» был опубликован в нашем журнале в 1958 году.) Сейчас Л. Румянцев работает над новой пьесой, пишет рассказы и стихи.

Сигнальные ракеты

Сергей и Чижик (по метрике — Федор Федорович Чижов) дружили не первый год. Многие удивлялись этой дружбе двух абсолютно не схожих по характеру парней.

Сергей — нетороплив, серьезен. Даже в те минуты, когда он ни о чем серьезном не думал, со стороны казалось, что Сергей занят необычайно важными соображениями. Это сбивало с толку не только одноклассников, но и преподавателей. Идет, например, урок геометрии. Учитель объясняет теорему Пифагора. Сергей внимательно смотрит на доску, но

чертежа не видит, не слышит объяснения. Мысли его где-то далеко, и вернее всего не мысли, а какие-то видения: то воображение рисует скалистую вершину с одинокой сосной на краю, то стремительно мчащийся в облаках серебристый лайнер ТУ-104, то раскинувшееся от горизонта до горизонта вспененное море, которое он видел только в кино.

И вдруг до Сергея доходит голос:

— ...Чижов, ну что вы все время вертитесь? Брали бы пример со своего товарища.

«С товарища» — это значит с Сергея. Он сидит рядом с Федькой.

Исчезают скалы, облака, море, и Сергей, не изменив позы и выражения, пытается теперь понять суть теоремы. Не-

Ветер

нескольких авторов

удобно же все-таки, когда тебя ставят в пример, не слушать урок.

Но надолго Сергея не хватает. Снова доска с чертежами уплывает в сторону. Перед взором уже ледяная пустыня и черная точка вдаль — это штурмует просторы Антарктики мощный советский вездеход...

Впрочем, учился Сергей неплохо. Ему доставляло истинное удовольствие самому по учебнику разобраться в той же теореме Пифагора. Сядет дома за низенький стол в углу просторной и светлой горницы, уткнется в книгу, и тут уж никто не в силах его отвлечь.

Часа по четыре сидит Сергей за уроками, а Чижик в ожидании друга томится. Он любое объяснение в школе схватывает на лету, а дома только письменные задания приготовит — и на улицу. Пока Сергей корпит над учебниками, он тут же в горнице, а если погода хорошая, на завалинке, под окном, читает какую-нибудь новую приключенческую, научно-фантастическую или военную повесть (другой литературы Федор Чижов не признавал).

— Ты, Серега, нерационально используешь время, — попробовал как-то прочитать нотацию Чижик. — На кой тебе учебник грызть, когда все можно на уроке запомнить.

Сергей, не поднимая головы от книги, беззлобно ответил:

— Лети, лети, чирикай! Потом поговорим...

Чижик обиделся. Его задело слегка покровительственное отношение Сергея. Подумаешь, умник выискался! А поглядеть в дневник — у него, у Федора Чижова, пятерок ничуть не меньше...

Вихрастый, щуплый, очень подвижной и предприимчивый, Федор Чижов вообще легко обижался. И чаще всего на Сергея.

Так было и сейчас, когда Чижик пулей вылетел из ельника, подбежал к костру, чем-то чрезвычайно взволнованный. Сергей лишь мельком взглянул на товарища, повел бровью и спросил с усмешкой:

— Что это с тобой, Чижик? Не на ежа ли сел?

Чижик вспыхнул и, переводя дыхание, хрипло, с обидой ответил:

— Ты бы сам сел, если бы увидел...

Павел насторожился.

— Ты скажи толком, что там?

— Сходите — увидите.

Сергей подкинул смолевое корневище в костер, встал и, кивнув Павлу, двинулся к ельнику. Павел зашагал следом.

Чижик презрительно сплюнул в сторону, попытался сохранить на лице выражение гордой оскорбленности, но обида, как дымное облачко, уже растаяла. Он еще раз сплюнул, наблюдая за удаляющимися приятелями, потом рассерженно хмыкнул и закричал:

— Куда пошли, куда?! Правее надо!.. — и кинулся догонять ребят. — Сюда, сюда идите! — вскоре командовал он, ныряя между деревьями. — Вот!

На поляне, рядом с усыпанным желтеющими иглами муравейником, лежали рюкзак и ружье.

Павел сразу их узнал. Все было в

полном порядке, словно он сам минуту назад сбросил рюкзак и прислонил к нему «ижевку». Исчезли только патроны.

— Это полбеды. Главное, ружье в исправности, — сказал Сергей. — А патроны вполне подойдут наши.

— Хорош «лесник»! — возмутился Чижик.

— Не пойму, ребята, почему же он вещи мои оставил здесь, на поляне? — спросил Павел.

Эти вопросы не давали Павлу покоя, когда он ночью дежурил у костра, а Сергей и Чижик, тесно прижавшись друг к другу, сладко посапывали во сне.

Ночь выдалась тихой. Лишь изредка с гор волной налетал ветер. Костер тогда выбрасывал в сторону трепещущие языки пламени, летели, рассыпаясь, трескучие искры, глухо начинали перешептываться верхушки сосен, становилось прохладно. Павел пожегивался и оглядывался по сторонам. Думалось Павлу — не встретить он Сергея с приятелем, туго бы ему пришлось. В одиночку всегда нелегко, особенно в тайге.

Шура тысячу раз права: с друзьями-следопытами он давно бы достиг цели. Раньше никогда у Павла не было секретов от ребят. А теперь: почему уехал? — тайна, куда уехал? — тайна. Наверное,

такую вот таинственность имел в виду пожилой, всеми уважаемый краевед Петушков, когда рассказывал следопытам о «дутой романтике».

А мог ли Павел поступить иначе? Ведь было бы трудно объяснить истинную причину внезапного отъезда, рассказать ребятам о своих подозрениях. Какая бы ни была, а мать все-таки. Может быть, теперь она уже во всем раскаялась, и никогда больше в дом Ливановых не попадет ни одной нечестной копейки? Как бы хотел этого Павел!

В последние месяцы он очень остро почувствовал, что значит уважение к родителям. Отец навсегда останется в сердце мудрым и добрым наставником, самым близким старшим другом. Была бы такой и мать... А то ведь не с нею — живой — в последнее время советовался юноша, а с фотографией отца, дорогой, но безмолвной.

Не раз бывало, засомневавшись в чем-либо, Павел спрашивал себя: а как бы поступил в данном случае папа? Знал Павел, что его отец был исключительно справедливым и честным, поэтому ответ всегда можно было предугадать...

Павел достал из кармана обернутый в целлофан снимок. Капитан Ливанов смотрел открыто и прямо в глаза сыну.

«Интересно, как бы сейчас ты расценил мои приключения? — юноша горько улыбнулся. — Конечно, не погладил бы по головке и за то, что один ушел, на себя одного, видишь ли, понадеялся, и за то, что до сих пор не сумел помочь дяде Василию...»

До Журавлика осталось километров двадцать — так сказал Сергей. Он рассчитывает дойти туда к полудню. А если дяде очень плохо и дорог каждый час?

Невдалеке звонко хрустнула сухая ветка. Павел вскочил, сжимая ружье и вглядываясь в темноту.

На небе тревожно мерцали звезды. Одна — особенно яркая — светилась вроде бы невысоко над землей и непрерывно мигала, как сигнальный фонарик: точка, точка, тире, точка, тире, тире...

Неожиданно к этой звезде потянулась от земли светящаяся нить. Вот она изогнулась и внезапно вспыхнула падающей звездой.

— Сергей, Сергей, Чижик! — Павел кинулся тормошить ребят. — Там ракета!

— Какая ракета?! — Чижик тотчас вскочил.

— Баллистическая, — сонно ответил Сергей, не поднимаясь и не открывая глаза.

Павел не обратил внимания на эту неуместную шутку. Там, вдалеке, снова повисла светлая нить, снова вспыхнула звездочка.

— Видишь?

— Ви-и-жу, — Чижик зябко повел плечами и, чуточку заикаясь, сказал: — Это в районе Жу-журавлика.

Сергей открыл глаза и встал.

Сверкнула еще одна ракета.

— Третья, — прошептал Павел.

— Похоже, что там, — произнес Сергей. — Журавлик там.

— Ну, остряк-самоучка, — не упустил случая съязвить Чижик. — Видел баллистическую?! Ви-идел?!

— Вот что, — решительно заявил Павел, — хватит вам цапаться. Немедленно заливаем костер — и в путь.

— Ты ведь по-спать не успел!

— Какой тут сон! — Павел закинул рюкзак за плечи. — Мы вообще глупость сделали, что на привал остановились. Надо было идти дальше. Там человек в беде!..

Сергей уже разбрасывал костер и, черпая консервной банкой воду из родничка, поливал дымиющиеся головни.

Когда минут через десять ребята растаяли в темноте, на поляне, как тень, появился старик. Нагнулся, нашупал консервную банку, зачерпнул из родника, попил. Постоял, покачивая головой.

Невеселые мысли не давали ему покоя. Присмотрев издали знакомых ребят из поселка — Сергея и Чижова, — старик решил как-нибудь отделаться от Павла. Забрав рюкзак и ружье, он припрятал их в ельнике. «Недоставало еще, чтоб на старости лет в воровстве обвинили, — думал он. — И к чему, собственно, брал я этот рюкзак и ружье? Не добился я своей цели, не добился...»

Долго сидел старик, уткнув бороду в колени, долго, как сыч, глядел из ночного мрака на поляну, где уютно потрескивал костер, оживленно переговаривались ребята. Вспомнил таежник свое безрадостное детство, тяжелую юность. Худо, худо прожита жизнь. Помирать пора, а вспомнить нечего в утешение...

«Лесник» обошел вокруг потухшего, развороченного костра.

Исподволь закипало в груди глухое

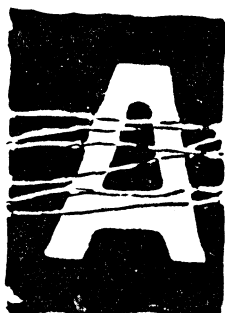
ожесточение против самого себя, против всех на свете. Он пнул тяжелую, напитавшуюся влагой головешку, достал из кожаного кисета осколок хрустала, швырнул его в пепел костра и зашагал, взерошенный и злой.

А Павел, Сергей и Чижик шли к Журавлику, ориентируясь по звезде, кото-

рая посылала на землю никому не ведомые тире и точки.

Потрескивали сухие сучья, ноги проваливались в ямины, занесенные почти доверху прошлогодней жухлой хвоей, было жарко, хотелось пить, но мысли всех были на Журавлике, там, откуда кто-то подавал сигналы.

Тревога

Андрей Ситников, шофер из Белополя, водитель всеславного линкора-самосвала ОЯ-17-97, вначале даже сам не понимал, почему вдруг стали раздражать его разные мелочи, на которые раньше он и внимания не обратил бы.

Начал разминать папиросу — порвал гильзу, взял вторую — та же история. В сердцах скомкал всю пачку и выбросил, сказав нелестную фразу в адрес табачной фабрики.

В столовой ни с того ни с сего заворачивал на раздатчицу — показалось, что она нарочно медленно отпускает обеды.

После работы Анка попросила подождать у проходной. Она пришла почти следом за ним, но Андрей буркнул:

— Не могла еще дольше задержаться?!

Анка улыбнулась, взяла Андрея под руку.

— Ты сам на себя не похож, Андрюша. Может, влюбился?

— Еще не хватало, — сухо ответил Андрей.

— В чем же дело?

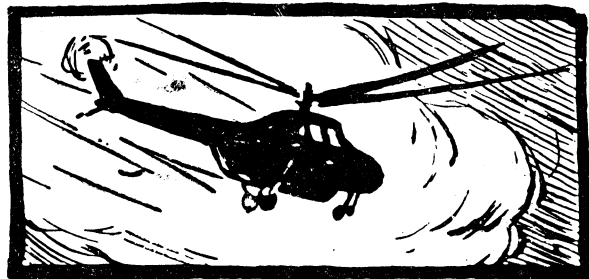
Они проходили мимо почты.

— Подожди, Аннушка! — встрепенулся Андрей. — Забегу.

Вернулся он еще более мрачный.

— Ты понимаешь, — заговорил он, — с одним человеком десять лет бок о бок проживешь, а в сердце не примешь. А с этим без году неделя знаком, однако запал он в мою душу — и все тут.

— С ним что-нибудь случилось? — Анка сразу посерьезнела. — Ты о Павлике беспокоишься?

— О нем... Понимаешь, обещал он, как только встретится со своим дядькой, прислать телеграмму. Трое суток минуло — ни ответа, ни привета... Знаешь, что? Вернемся на почту, позвоним в Свердловск, в геологоуправление. Павлик хотел обязательно туда заглянуть.

В другое бы время Анка хохотала до слез, слушая, как Ситников объяснялся с диспетчером геологоуправления. Андрей не знал фамилии дяди Василия, знал только, что тот — геолог и работает с партией где-то в районе Тельпос-Иза, что несколько дней назад «дядя Вася» приезжал в Свердловск, а к нему должен был приехать племянник.

Диспетчер долго ничего не понимал.

— Нет, не я племянник, я посторонний! — орал в трубку Андрей. — Не совсем посторонний, конечно, но это не имеет значения. Скажите, где сейчас дядя Вася?.. Не знаю никакого отчества. Просто — дядя Вася... — Нет! Не мой дядя! Нет!

С большим трудом они все-таки поняли друг друга.

Дело в том, что в этот же день к концу работы в геологоуправление пришло еще два тревожных известия. Первое — от проводника, который сообщал, что

заболел и не смог выйти навстречу геологу Соколову. Второе — от летчика гражданского флота. Он во второй половине дня пролетал над хребтом и случайно обнаружил в долине на берегу реки треугольник, выложенный из костров. Это показалось ему подозрительным.

— Таким образом, — докладывал летчик, — люди рассчитывают, чтобы на них обратили внимание. А это неспроста.

Начальник суммировал оба сообщения и немедленно распорядился готовиться врачу и двум геологам к отъезду в район Журавлика. Василий Тимофеевич Соколов слыл бывалым человеком. Но и с бывалыми людьми небывалое приключается. Тем более, что отправился Соколов, по всей видимости, один.

Диспетчер был в курсе этих событий. Постепенно «Тельпос-Из» и «дядя Вася» связались в его сознании воедино. Он догадался, что какой-то не известный ему Ситников из Белополья интересуется судьбой Василия Тимофеевича Соколова. Но при чем тут племянник?..

Андрей повесил трубку, достал папиросу, сделал несколько глубоких затяжек и только после этого сказал:

— Недаром я, Аннушка, психовал. Дела-то плохи. Этот дядя Вася куда-то запропастился, и его выручать собираются. А про Павла никто ничего не знает. Был, говорят, какой-то юнец, узнавал дорогу на Журавлик, и все.

Они вышли на улицу молча. Андрей, бросив окурочек, опять зажег папиросу.

— Что будем делать? — спросила, наконец, Анка.

— Сейчас потопаю к завгару и отпрошусь в отпуск, — ответил Андрей. — Все равно по графику идти через неделю.

— А потом?

— Потом в Свердловск. Успеть бы только к отъезду тех, кто собирается на выручку дяди Васи...

— Согласна! Хотела я тебя, злостный мой нарушитель, к родителям своим свозить в гости, показать...

Все это было в тот вечер, когда Павел проговорился «леснику» о платине.

...На другой день утром вертолет доставил врача, двух геологов и Андрея с Анкой к Журавлику.

Вначале Анку и Андрея ни за что не хотели брать. Объясняли, что нагрузка предельная. Но Ситников настоял на

своём. Его путанные, взволнованные фразы о «пропавшем племяннике» сбили в конце концов начальника управления с твердых позиций, и он махнул рукой.

— Учтите, однако, — предупредил он, — свободное место предназначено для Соколова. Если ему потребуется вертолет, вас высадут там, в тайге, и будьте добры — добирайтесь сами...

Вертолет Василию Тимофеевичу потребовался. Потребовался не для того, чтобы возвратиться в Свердловск, а для полета к Тельпос-Изу: наступили основные работы по разведке, и начальник партии был озабочен их результатами. Травма у Соколова оказалась несложной — вывих ноги в щиколотке. Врач тут же сумел поставить сустав на место. Соколов только охнул и вытер рукавом внезапно покрывшийся испариной лоб.

— Через недельку, батенька, плясать будете, — сказал врач.

— Доктор, вы чародей. Беру вас и вертолет в плен на два дня! Мне на Тельпос-Из попасть нужно! В государственных интересах, — заключил Соколов. И врач не стал возражать.

Еще до того, как подвернуть ногу, Соколов проверил все, что ему было нужно, взял образцы, подтверждающие прежние результаты: платина на Журавлике есть и в немалом количестве.

Прилетевшие геологи должны были теперь нанести на карту и четко обозначить платиновые районы. Андрей с Анкой вызвались помочь им в этом и до прихода Павла остаться с партией.

— Вот ведь как получилось, — словно оправдываясь, говорил Василий Тимофеевич. — Меняемся, значит, местами. Только вы ноги берегите!

В отношении Павла мнения у них разошлись. Василий Тимофеевич говорил, что Павел сейчас где-то на пути к Тельпос-Изу. С какой стати он пошел бы сюда, узнав в геологическом управлении, что командировка краткосрочная.

Василий Тимофеевич был очень встревожен исчезновением Павла, но вида не подавал. В самый последний момент он написал записку.

— Это на всякий случай. Передадите Павлу, если встретитесь... И еще... Если пес мой прибежит, Тор, приглубите до встречи. Хорошо?

Вертолет взмыл в воздух.

Окончание следует.

ТАБАКЕРКА

Рассказ

— Нет ли у тебя спичек?— Это были первые слова, которые я услышал от своего друга — инженера Виктора Кравцова, когда мы встретились в рыбацьем поселке в Крыму. Получив коробок, он вынул трубку и принялся набивать ее из плоской табакерки.

— Как это понимать?— спросил я.— А твой излюбленный «Беломор»?

— От папирос бывает рак легких,— авторитетно заявил Виктор.— Кроме того, надо же использовать по назначению эту вещь.— Он щелкнул крышкой табакерки и добавил:— Штука эта необыкновенная.

— Да?— сказал я довольно равнодушно.

— Не веришь?— усмехнулся Виктор.— А хочешь, я расскажу тебе ее историю?

— Ладно,— согласился я.— Валяй, рассказывай историю...

Мы шли берегом моря. Он тянулся вдаль белой песчаной полосой, ровный и однообразный. И прежде чем Виктор закончил свой рассказ, мы ушли далеко от поселка...

— Однажды утром я обнаружил, что кто-то испортил мой кабель,— начал Виктор.— Хороший кабель для антенны в пластмассовой изоляции, длиной метров в шесть. Он по-прежнему лежал в ящике стола, но был перерезан в самой середине... Я позвал своего младшего братишку Антона и спросил:

— Твоя работа?

По его лицу я сразу понял, что не ошибся. Да он и не отрицался, только наотрез отказался объяснить, зачем сделал это. Тогда я рассвирепел и заявил, что не возьму его с собой в Крым.

— Витя, так нужно было,— тихо проговорил Тоник.— Ну, честное слово, я ничего плохого не сделал.

— Ничего плохого?! А это?.. Где я достану новый?.. Никуда со мной не поедешь!..

Словом, я довел его до слез и, ничего не добившись, ушел на аэродром, где проводились тренировочные полеты.

Ожидая своей очереди, я лежал в тени ангара и слушал, как механик ворчит на какого-то мальчишку.

— Ну, чего надо? Иди отсюда!— время от времени покрикивал он. Мальчик отходил на несколько шагов, потом приближался снова. «Кравцов, готовься!» — услышал я и, поднявшись, пошел к планеру.

— Подождите,— вдруг позвал мальчик. Он догнал меня и сказал, шагая рядом:

— Тоник не виноват. Это я перерезал кабель...

...С соседкой Анной Григорьевной у Славки были самые хорошие отношения. Он не отказывался починить ей электроплитку или сменить пробки, сбегать за хлебом, вообще помочь в чем-нибудь. За это Анна Григорьевна предоставила в полное его распоряжение громадный шкаф с книгами и журналами, оставшимися от покойного мужа.

Однажды утром, зайдя к Анне Григорьевне, Славка увидел, что старые обои содраны и стены под ними оклеены какими-то старыми газетами. А в одном месте виднелись исписанные четким почерком большие тетрадные листы. Необычные бумаги привлекли Славкино внимание. Подойдя ближе, он начал читать верхний лист. Первые слова так заинтересовали его, что все остальное он прочитал не отрываясь.

«...мичманом на корвете «Гриф», управлявшемся в кругосветное плавание. Через три месяца мы были в Сиднее.

Утром, сменившись с вахты, я сошел на берег.

Миновав бастионы и здание морского госпиталя, я обогнул церковь и оказался в узком, выжженном солнцем переулке. Навстречу мне шагал сухопарый англичанин в форме капитана королевского флота. В опущенной руке он держал стек. Больше прохожих в переулке не было.

Неожиданно позади раздался быстрый топот босых ног, и меня обогнал чернокожий мальчишка. Его появление удивило, так как известно, что коренных жителей в этом районе Австралии почти не осталось.

Пробегая мимо капитана, мальчик задел локтем рукав его белоснежного кителя. Англичанин, тотчас обернувшись, позвал негромко:

— Бой!

Оклик прозвучал совсем не сердито, и мальчик подошел. Неторопливо подняв руку, англичанин хлестнул его стеком по лицу. Мальчик закрылся руками, но не вскрикнул, лишь втянул голову в плечи. Капитан замахнулся снова. Я уже

был рядом и, поймав его руку, сжал кисть. Стек упал на тротуар.

— Не кажется ли вам, капитан, что избиение ребенка — занятие, недостойное звания моряка и офицера,— сказал я.

В водянистых глазах англичанина появилось не то недоумение, не то злоба.

— Вы с ума сошли, мичман,— заговорил он на довольно чистом русском языке.— Я ударил черного мальчишку. Какое вам дело? Извольте поднять мой стек...

— Цвет кожи вашей жертвы — не оправдание,— ответил я.— Бить ребенка может лишь человек, лишенный порядочности. Для этого не нужно обладать ни силой, ни смелостью.

Я выпалил это единым духом в его физиономию, обрамленную ржавыми бакенбардами. Он усмехнулся уголками губ.

— Смелость моя не вызвала сомнений у русских моряков на севастьяновских бастионах, мичман, когда вы были еще в пеленках. Впрочем, вы и сейчас еще мальчик. Этим я объясняю вашу горячность.

Я действительно был горяч. И он напомнил о Севастополе, где погиб мой отец.

— Моя молодость не должна вас смущать,— ответил я, с трудом подбирая слова.— Сейчас я убедился, что вы отлично воюете с детьми. Поэтому назовите место, где я могу доказать вам, что достоин своего отца-севастьяновца.

— Насколько я понял, вы предлагаете дуэль,— произнес он довольно хладнокровно.— Я сумею решить наш спор иным способом...

— Разумеется, менее шумным и более безопасным?

— Если не ошибаюсь, вы с корвета «Гриф»?— спросил он, начиная выходить из себя.

— Вы ошибаетесь не более, чем я, считая вас трусом и негодяем,— бросил я ему. Он круто повернулся и пошел прочь. Стек остался лежать на желтых плитах тротуара.

Взбудораженный столкновением, я шагал, не обращая внимания на дорогу, и скоро оказался за городом. Тропинка, выходящая среди густой зелени, привела на высокий берег. Сверкая синевой и солнцем, передо мной открылась бухта Порт-Джексон...

Кто-то робко тронул меня за плечо. Я обернулся. Черный высохший старик смотрел на меня, беззвучно шевеля губами. Рядом с ним стоял мальчик, за которого я недавно заступился. Один глаз у него совсем заплыл, другой глядел серьезно и внимательно.

Старик вдруг улыбнулся, открыв редкие коричневые зубы, и что-то хрипло забормотал. «Хороший сэр... Хорошо...» — разобрал я и понял, что он благодарит меня. Потом туземец достал из-под лохмотьев плоскую деревянную коробочку и протянул ее мне. Заметив мое недоумение, он заговорил громко и возбужденно, однако по-прежнему непонятно. Он показывал высохшей рукой на бухту, но, кроме множества кораблей, я ничего там не видел. В речи старика несколько раз прозвучало слово «Норфольк». Корабля с таким названием на рейде, по моему, не было.

Неожиданно старик замолчал и осторожно вложил коробку в мою ладонь.

— Многие белые хотели ее... Хороший сэр, — медленно сказал он, повернулся и побрел в заросли, держась за плечо мальчика.

Я разглядывал подарок. Это была деревянная отполированная табакерка, без всяких украшений на крышке. В первой же лавке я наполнил ее табаком, так как уже в то время имел привычку курить трубку.

Я провел в Сиднее весь день: приятно было после долгого плавания ступать по твердой земле. Несколько раз, проходя по улицам, я чувствовал на себе чей-то тяжелый взгляд, но, обернувшись, не замечал среди людей никого, кто мог

бы интересоваться мной. Вечером, возвращаясь на пристань, я шел глухим, слабо освещенным переулком и услышал вдруг, как кто-то зовет меня:

— Прошу вас, подождите, сэр!

Я остановился. Какой-то человек, по одежде — матрос с торгового судна, догнал меня.

— Ради бога, сэр, не считите за дерзость. — Он говорил по-английски, но с легким акцентом. — Прошу вас, всего щепоть табаку.

Пожав плечом, я вынул табакерку. В тот же миг она была выхвачена, и человек бросился прочь. Он, видимо, рассчитывал на мою растерянность, но я быстро овладел собой: через две секунды настиг незнакомца и свалил его ударом в спину. Табакерка упала на мостовую, а ее похититель вскочил на ноги и выхватил нож. Но я уже достал револьвер и предложил бандиту убираться ко всем чертям. Он счел за благо последовать моему совету, а я вернулся на корабль и тут же был приглашен к командиру корвета.

Барон фон Грюнберг встретил меня сухо.

— От капитана фрегата «Дисковери» я получил сообщение, что вы, мичман Смолин, сегодня на улице затеяли ссору, подобно пьяному матросу, — начал он, шагая по каюте.

— Ваше сравнение и ваш тон кажутся мне неуместными, барон, — вскипев при упоминании об утреннем событии, резко ответил я. Командир на секунду опешил, потом...»

Остальные листы были скрыты под ключьями обоев, отодрать которые никак не удалось. Лишь кое-где можно было разобрать отдельные слова и фразы:

«...предпочтя отставку... сошел на берег в Сид... Норвежец часто говорил мне: «Если ты любишь море больше своих эполет, ты будешь моряком. Не... Я любил... больше... Прав был... чайные клиппера».

Дальше опять был незаклеенный лист, начинавшийся словами: «...когда я вернулся в Одессу и узнал...»

Что узнал мичман Смолин, вернувшись в Одессу, Славке осталось неизвестным. Оборвав чтение, он помчался за тетрадь, чтобы переписать удивительный рассказ о приключении в Сиднее, а когда вернулся, было поздно. Всю стену закрывали новые обои.

— Ну, что вы наделали! — завопил Славка. — Ведь это же, может быть, исторический документ!

— Да бог с тобой, — успокаивала его Анна Григорьевна. — Старье-то всякое... А человек, который писал, давно помер.

Славка с ненавистью посмотрел на голубые васильки обоев, навсегда скрывшие под собой таинственные страницы.

— А кто писал это? — спросил он через некоторое время. Славка надеялся, что еще не все потеряно и можно будет узнать что-нибудь об авторе загадочных записок.

Анна Григорьевна была в хорошем настроении и отвечала на вопросы довольно охотно.

— Жил тут человек один. Я еще девочкой была... Имя-то не помню. Звали его все капитаном. Моряк он был, но поселение сосланный. Жил сначала в Тобольске, а потом в наш город переехал. После революции выбрали его куда-то... Потом Колчак стал наступать. Как-то вечером, смотрю, сидит капитан и наган чистит. Потом тетке моей принес тетрадку, просил сохранить. Ушел и не вернулся. А тетка, видать, и задела стену его бумагами. Все одно, погиб человек...

— А трубку курил этот капитан? — допрашивал Славка.

— Курил, — вздохнула Анна Григорьевна. — Все к теткинemu мужу приходил табачок занимать. Табакерку достанет и стучит ногтем по крышке: пустая, мол...

— А табакерка... какая была? — осторожно спросил Славка.

— Господи, да где же я упомяну?

Тебе-то зачем? Деревянная, вроде бы... Да она еще недавно в сундуке валялась.

Славка заволновался. Из дальнейших расспросов он узнал, что после капитана остался сундук. Он был почти пустой, и туда стали складывать разные ненужные вещи. Там лежала и табакерка. Последнее время сундук стоял в чулане у племянницы Анны Григорьевны.

Через полчаса Славка мчался на улицу Пушкина, зажав в кулаке записку Анны Григорьевны...

Дом номер четырнадцать на улице Пушкина оказался деревянным, двухэтажным. Славка поднялся по скрипучей лестнице и постучал. Не дождавсь ответа, он хотел постучать снова, но за его спиной скрипнула дверь соседней квартиры. Он обернулся.

На пороге стоял мальчик лет одиннадцати, чуть пониже Славки, темноволосый, с облупившейся от загара переносицей.

В руках он держал широкие полосы резины.

— Там нет никого, — сказал он, кивнув на запертую дверь. — Все уехали на дачу.

— Надолго?

— Недели на две.

Славка приуныл: возможность отыскать табакерку отодвигалась на полметра.

— Куда хоть они уехали?

— Да я не знаю...

Славка с досадой посмотрел на мальчишку. Тот по-прежнему стоял на пороге, не зная, видимо, о чем говорить, и не решаясь уйти. Славка тоже не уходил, хотя было уже ясно, что делать здесь больше нечего.

— Что это у тебя? — спросил он, чтобы нарушить неловкое молчание, и показал на куски резины.

— Это я ласты делаю, — оживился мальчик. — Для подводного плавания.

— Подводного! — усмехнулся Славка. — В нашей речушке только под водой и плавать.

— А я к морю поеду. С братом.

— К морю? — Славка посмотрел на него с откровенной завистью. — Счастливым...

Все свои двенадцать лет Славка прожил в небольшом уральском городе и никогда не видел моря.

Море было его мечтой. Еще мальшом знал он о далеком синем море-океане, где живет золотая рыбка и весело прыгают по крутым волнам с кудрявыми гребешками корабли царя Салтана. Потом он читал о море в романах Жюль Верна и Стивенсона. Солнечные зеленоватые волны катились к берегам таинственных островов, выбрасывая на песок закупоренные бутылки из синего стекла с записками о кораблекрушениях и кладах...

В отличие от многих мальчишек, Славка совсем не стремился стать штурманом или капитаном дальнего плавания. Но море тянуло его, как живая сказка. Оно обещало множество приключений и хранило в себе тысячи тайн.

— Счастливый... — повторил Славка.

— Я счастливый. Я всю жизнь хотел на море попасть, — серьезно сказал мальчик.

Не произнеси он этих слов, Славка никогда не рассказал бы ему о таинственных страницах. Но сейчас он почувствовал в незнакомом мальчишке единомышленника и неожиданно выложил ему историю табакерки.

— Интересно, — сказал мальчик. — А ты не врешь?

Славка не обиделся. Он понимал, что рассказу его поверить трудно.

— Вот если бы до сундука добраться, — проговорил Славка. — Может, там еще какие-нибудь бумаги есть. Или хоть табакерку найти... Может, что-нибудь узнали бы.

— Ну, если бумаги... А по табакерке ничего не узнаешь... Жаль, кладовка закрыта, — Тоник вздохнул и показал на досчатую дверь с большим висячим замком. — Вот если бы... — Он сморщил лоб. — Постой! А ведь можно... через окно!

— Без хозяев? — удивился Славка.

— А кто хозяин? Кладовка-то общая. Там и у Виктора много вещей. Только ключ потерял, а замок ломать никто не даст.

— А через окно разрешат? — усомнился Славка.

— Так мы и спрашивать не будем...

Окошко находилось под самой крышей. Оно было без стекла, но подняться к нему с земли ни за что не удалось бы.

— Можно с крыши, на веревке, — предложил Тоник. — Только надо когда

стемнеет, чтоб никто не видел... А то мне здорово влетит от брата за такую акробатику.

В чулане было совершенно темно. Славка включил фонарик и огляделся. У одной из стен стояли какие-то ящики, на полках громоздилась старая посуда и пыльные книги. В углу Славка заметил черный горбатый сундук, обитый ржавыми железными полосами.

Он поднял тяжелую крышку. В сундуке лежала стопка журналов, настольная лампа с порванным абажуром, расколотый письменный прибор из мрамора и другие ненужные вещи. Славка лихо...

рабочно перерывал их. Наконец, рука его нащупала что-то гладкое, и Славка, замирая от волнения, вытащил плоскую деревянную коробочку. В темной глубине полированной крышки маленькой искрой горит отблеск фонаря. Вот она, свидетельница загадочных событий, происшедших почти целый век назад! Она видела парусные корабли и дальние страны.

Никаких бумаг Славка не нашел, только вытащил из-под журналов кожаные корки тетради. По формату переплет подходил к листам, которыми была оклеена стена. Но он был пуст, и Славка хотел уже бросить его обратно, как заметил вдруг на внутренней стороне подпись, сделанную знакомым почерком: «А. Смоленский».

«Смоленский... Смолен... И почерк тот же, и фамилия похожа, — думал Славка. — Но почему она так знакома?» И вдруг он вспомнил. Вспомнил, что есть в городе небольшая зеленая улица. Улица Смоленского. И еще вспомнились светлые прищуренные глаза под козырьком морской фуражки и скупые слова под большой фотографией в одном из залов городского музея:

«Александр Николаевич Смоленский. Выслан в наш город из Одессы за революционную пропаганду среди моряков торгового флота в 1907 г. Активный деятель подпольной большевистской печати. Погиб во время боев с колчаковскими бандами».

Славка закрыл сундук и выпрямился. Теперь он знал, чьей рукой написаны загадочные страницы.

Сунув тетрадный переплет за ремень, а табакерку в карман, он вскарабкался по ящикам под самый потолок, где в маленьком оконце слабо светилось ночное небо.

— Тоник, давай, — негромко крикнул Славка, высунувшись в окошко. Сверху, с крыши, спустился толстый электропровод, который Тоник на время позаимствовал у брата. Обвязав кабель вокруг пояса, Славка выбрался наружу.

Встав на нижний карниз окна, он закинул руку на выгнутый край железного кровельного листа и стал подтягиваться.

Проржавевшее железо разогнулось совершенно неожиданно. Локоть соскользнул, Славка откинулся назад, и ноги сорвались с карниза. Теперь он ви-

сел лишь на проводе, который нестерпимо резал грудь и спину.

— Славка! — окликнул его с крыши Тоник. — Ты что, сорвался? Меня так дернуло, что чуть пополам не перерезало.

— Я сейчас, — выдохнул Славка, пытаясь ухватиться за край окна. Но не мог. Теперь окно было выше головы.

— Слушай, кажется, мы сейчас полетим, — довольно хладнокровно сказал Тоник. — Я не удержусь.

Славка представил, как Тоник лежит на крутом скате, обвязавшись кабелем, и судорожно цепляется за гребень крыши. Падать ему пришлось бы не на ноги, а вниз головой, и с большей высоты, чем Славке.

— Ты скорей. У меня железо гнется, — снова заговорил Тоник.

— Я сейчас! — крикнул Славка и оставил бесполезные попытки дотянуться до окна. — Сейчас! Еще секунду продержись.

Он вынул из кармана перочинный нож, открыл его зубами и принялся пилить тупым лезвием кабель, стараясь не думать о том, что висит в пяти метрах от земли. Славка всегда боялся высоты.

Он упал на четвереньки и сразу вскочил. Удар о землю оказался слабее, чем Славка ожидал. Только звенело в ушах и слегка болели отбитые ступни. Лезвие ножа захлопнулось само собой и глубоко разрезо палец.

— Ты что, оборвался? — слышался голос Тоника. — Ты жив?

— Жив, — сказал Славка, зажимая порез. — Спускайся. Я нашел табакерку...

Через полчаса, когда Славка рассказывал о своем открытии, они расстались.

— Знаешь... ты хороший товарищ, — сказал Тоник чуть смущенно, прежде чем уйти. — Я бы здорово треснул с крыши...

— Брось ты, — отмахнулся Славка. — Знаешь что? Оставь пока табакерку у себя. Завтра я зайду...

На следующее утро, придя к Тонику, Славка узнал о его несчастье.

— Эту историю во всех подробностях я узнал гораздо позже, — сказал Виктор, кончая свой рассказ. — На аэродроме Славка объяснил мне лишь самое

главное. Когда он кончил, я задал вопрос:

— Табакерка у тебя?

Славка протянул мне ее и спросил в свою очередь:

— А теперь вы возьмете Тоника к морю?

Я не торопился с ответом, внимательно разглядывая его находку. Наконец сказал:

— Возьму... Но при одном условии: если ты отдашь мне эту вещь.

— Зачем она вам?— удивился он.

— Зачем! Для табака,— усмехнулся я. Славка пожал плечами и, подумав, ответил:

— Берите.

— А Тоник согласится? Ведь вы ее вместе искали.

— Согласится. Ему что? Он и так счастливый.

— Это почему?

— Конечно,— сказал Славка.— К морю едет. Я бы за это что угодно не пожалел, не то что табакерку.

Тогда я и подумал: «Почему бы не сделать счастливым еще одного человека?»

Виктор затянулся трубкой и замолчал. Я с любопытством посмотрел на него.

— Твои сбережения на мотоцикл, верно, пошли прахом?

Он усмехнулся.

— Ерунда... Но если бы ты знал, чего стоило уговорить Славкиных родителей отпустить его со мной!

— Ты это хорошо сделал, конечно,— сказал я.— Но объясни, зачем ты отобрал у мальчишек дорогую им вещь? Маленький ты, что ли?

Виктор достал табакерку и подцепил ногтем пластинку медной защелки так, что стала видна ее обратная сторона. Я разобрал выгравированные на меди маленькие русские буквы: «Фабрика И. Крамер».

— Каждую минуту ребята могли обнаружить клеймо и понять, что эта штука никогда не была в Австралии. Думаешь, это было бы для них лучше?..

Мы медленно шагали по берегу. Я продолжал разглядывать табакерку, а Виктор с равнодушным видом сосал трубку.

— Вот что!— сказал я, наконец.— Если ты боишься рака легких, то брось курить вообще. А табакерку отдай ребятам. Ты ненаблюдателен, иначе заметил бы, что замок сюда поставлен гораздо позже, чем сделана табакерка.

С этими словами я вытряхнул табак.

— Сумасшедший!— закричал Виктор.— Это «Золотое руно»!..

Однако я отмахнулся от него, потому что в этот момент заметил на внутренней стороне крышки искусно вырезанный, но уже почти стершийся маленький вензель: латинскую букву «N». И неожиданная мысль поразила меня.

— Ведь старик туземец говорил Смолину: «Норфольк»!— вспомнил я.

— «Норфольк»... Ну и что же?

* * *

Прошло два года. История с табакеркой стала постепенно забываться. И вот однажды, перелистывая вечером какой-то исторический журнал, я наткнулся на такие строчки:

«Пролив, отделяющий остров Тасманию от Австралии, носит имя Джорджа Басса. Вместе с лейтенантом Флиндерсом морской врач Басс в 1798 году обошел вокруг Тасмании на маленькой, водоизмещением в двадцать пять тонн шхуне. Это было великим открытием. Жители Сиднея восторженно приветствовали вернувшихся путешественников. Шхуна «Норфольк» была поставлена на вечный якорь в бухте Порт-Джексон и стала музейным экспонатом. Из ее деревянного киля выточили несколько табакерок. Эти вещи бережно хранятся владельцами. Ценятся они на вес золота...»

Дальше я не стал читать. Схватив журнал, бросился к моим друзьям.

— Так вот откуда наша табакерка...— задумчиво произнес Славка.

— Это-то мы узнали,— возразил Тоник.— Одно теперь неизвестно, как такая редкая вещь попала к старику?

Березовские

ИСТОРИКИ

«ЗЛОПОЛУЧНЫЙ» ВОПРОС

Последний урок. История. Ученики внимательно прослушали рассказ о преобразованиях в России при Петре I.

Прозвенел звонок. Хотелось сказать обычное: «Урок окончен!» и выйти из класса, но глаза учеников продолжали неотрывно наблюдать за мной, как бы ожидая еще чего-то, недосказанного...

Какая досада... Вчера, когда я готовилась к уроку и знакомилась с историей возникновения заводов на Урале, у меня возник вопрос о времени и условиях появления нашего Березовского завода.

Потом часто на всем некоротком пути от дома до школы этот же вопрос назойливо преследовал меня. А что, если ученики зададут мне его? Что я отвечу? Так и получилось. «Злополучный» вопрос поставил меня втупик. Поэтому однажды у меня созрел план создания историко-краеведческого кружка. Я осталась в классе и предложила ребятам совместно создавать историю своего города.

Первым поднялся Володя Грабарник:

— Да что здесь изучать? Какая там у Березовка история? Вот если бы это был

Сталинград, тогда бы интересно. Давайте лучше изучать биографии и деятельность великих людей.

Его поддержали немногие. Володе возразила Нина Рожина:

— Пусть город наш маленький, но он наш, родной. Здесь жили наши прадеды и деды, живут отцы, и мы должны знать его историю. Давайте поищем в наших клубных, заводских и городских библиотеках литературу по Березовскому, а не найдем — поедem в библиотеку Белинского, в архив. Там найдем.

С Ниной согласились все.

Так в один из октябрьских вечеров 1954 года родился наш кружок. С тех пор прошло более 5 лет. Это годы удач и неудач, радости и огорчений. И пусть в тот первый год задания по краеведению выполнили только три ученика: Нина Рожина и Анатолий Крылов составили краткую историю Березовского, Вера Шолдыва написала хороший очерк о положении трудящихся Урала до революции, о жизни березовских шахтеров сегодня.

В 1956 году кружковцев стало 30, в 1957 году—57. Сейчас 100 учащихся выполняют различные задания по краеведению.

Кружковцы получают задание.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

1956 год. Воскресное декабрьское утро.

Хмурое небо скупно пропускает редкий неласковый луч солнца. Пронизывающий северный ветер налетает на землю и, покружившись в темпе быстрого вальса, вновь устремляется вверх.

Из-за перекрестка выбегают легко одетая девочка. Она наискось пересекает улицу и подбегает к двухэтажному дому.

Редкие экспонаты.

Стучит в окно первого этажа: «Лена! Лена выбежала на улицу.

— Соберутся ли?— с опасением промолвила она.— Погода-то какая.

— Соберутся,— заверила Зоя.

Немного погодя показалась группа мальчиков и девочек. Все они направились в школу. Сегодня здесь первая встреча со старожилыми города.

За длинным столом пионерской комнаты ребята. Они увлеченно слушают Александра Михайловича Юрьева, потомственного шахтера, предки которого были высланы сюда из подмосковного села Юрьево еще при основании Березовского.

— Детства у шахтерских детей до революции не было. С девяти лет я работал на торфянике. Из дому выходил летом в 4 часа утра. С 5 утра и до 6 вечера переносил на голове решетки торфа от места сушки до штабелей. Чтобы решетка меньше давила на голову, мы надевали так называемый «калачик». С 13 лет спустился с отцом в шахту. 19 лет ушел в Красную Армию, участвовал в борьбе с басмачами при Бухаре и Ходженте. Домой вернулся в октябре 1921 года.

О зверствах колчаковцев в нашем го-

роде рассказал Илья Яковлевич Забрдин. Это его, живого, на штыках сбросили в шахту. Только счастливая случайность сохранила ему жизнь. Он попал не в ствол, а на полку шахты и ночью спасся. Его рассказ дополнила Анна Васильевна Глебова, старая работница электростанции. Она по пути на работу в предрабочие часы не раз была свидетельницей зверской расправы колчаковцев над мужчинами и женщинами, которых привозили откуда-то к Комаровской шахте. А Мария Петровна Леонтьева осенью 1918 года с граблями направлялась по Косулинской дороге «к покосу», а по существу — к заветному дереву с дуплом, прикрытым мхом, где оставляла хлеб и табак, и находила скупую записку: «Взяли все, несите еще. Борьба продолжается».

В комнате необычная тишина. Серьезные, сосредоточенные, взволнованные лица восьмиклассников. Потом вопрос Фаи Чубарковой:

— Где находится Комаровская шахта? Памятник там есть?

И вопросы Людья Максимовой:

— Можно эту шахту считать братской могилкой? Кто из березовчан погиб в ней? Слово взяла староста кружка Лена Левкович:

— Мне думается, не только на каждой улице, но в каждом доме есть замечательные люди. Они живут рядом с нами, но мы их не знаем. Пусть каждый кружковец получше познакомится с жителями своей улицы, своего дома и напишет о них.

— А как узнать, когда появились улицы?

— Возьмем в горкоме партии рекомендательное письмо в Свердловский государственный архив. Уж там-то что-нибудь найдем,— решительно заявила Нина Боровских.

ПЕРВЫЙ МУЗЕЙ В ГОРОДЕ

Весна 1957 года. Большая перемена. Девятиклассники взволнованы:

— Вы слышали? Нам выделили комнату для музея,— сообщает Нонна.

В школьном музее.

— Не комната, а комнатуха,— поправляет ее Валя Крицкая.

— Ну, пусть комнатуха, для начала и этого достаточно. Можно будет хранить в ней собранные материалы.

— Где хранить?— заметил кто-то.— Там, кажется, кроме стен и двух табуреток, ничего нет.

— А есть ли у вас что хранить?— скептически заметил Лева.

И тут наперобой ребята стали рассказывать, как много воспоминаний они собрали, сколько документов привезли из архива: и материалы о первооткрывателях золота, и о народонаселении за разные годы, и о первых стачках, и даже копию документа с посылке из Березовского коллекция минералов Ломоносову.

Помочь ребятам вызвался Андрей Петрович Пятков. Это он основал в 20-х годах артель мебельщиков, которая сейчас превратилась в мебельную фабрику. Продукция ее славится далеко за пределами Свердловской области.

Недавно мебельщики проводили Пяткова на пенсию, преподнесли ценные подарки:

— Отдыхай, Петрович! Береги здоровье!

Но отдыхать Петрович не любил. И когда он узнал, что ребята собираются создать музей, пришел в школу и тут же начал проектировать образцы мебели для музея.

Много труда вложил Андрей Петрович в оборудование музея. Он готовил мебель, ребята мастерили планшеты, сверлили отверстия для крепления стендов, пятиклассники просто подносили материал.

Наконец, музей был готов. Ребята

с увлечением рассказывали о нем родителям:

— Как откроешь дверь, перед тобой большими буквами надпись: «Люби и знай свой родной край». Слева от двери выставлены альбомы с историями улиц, их составили наши ребята. А дальше на стендах фотомонтажи «Березовский в прошлом» и «Березовский сегодня».

В витринах минералы, кружки золотискателей, кандалы, фотографии старых шахт, оружие гражданской войны, воспоминания, документы.

Правую стену музея занимают три стенда «Наши предприятия» и тут же образцы изделий, фотографии лучших людей города. Высоко над стендами написано: «Активные борцы за власть Советов» и повешены большие портреты героев революции и гражданской войны.

ПРАЗДНИК УЛИЦЫ

Июль. 6 часов утра. На улице Коммуны оживление. Группа мальчиков прикрепляет поперек улицы красивые гирлянды разноцветных флажков. Девочки торопливо расклеивают плакаты, на которых старательно выведены слова: «Приходите на наш праздник улицы!»

Улица перекрыта. Машинам сегодня проезд воспрещен, а для пешеходов оформлено из зелени приветствие: «Добро пожаловать!» Еще вчера с вечера жильцы каждого дома дружно поработали метлами, а некоторые из них даже подкрасили ставни, починили проездные мостки к своему двору. Блестят чисто промытые стекла окон. У дома № 71 бывшие почетные шахтеры, ныне пенсионеры Александр Павлович Левенских и Макар Фионович Петров с помощью ребят спешно мастерам сиденья для многочисленных гостей. Ровно отпиленные чурки выносят на широкую площадку улицы, на них кладут сухие струганные доски. Николаю Васильевичу Цыбину юные радиолюбители помогают установить радиолу.

Приготовления идут к концу. Над домами Лешуковых и Корзухиных одновременно взвились красные флаги, а за ними, как по сигналу, флаги поднялись над остальными домами.

10 часов утра. Из домов выходят празднично одетые жители.

Три школьника — Гриша, Стасик и

Юра уселись под моим окном. Я невольно стала свидетелем их разговора.

— Улица-то у нас сегодня какая! Красота! — восхищенно сказал Стасик.

— Вот если бы она всегда такая была, — мечтательно произнес Гриша.

Подошедший Вова Черников предложил:

— Давайте каждый день носить из леса зелень и украшать улицу.

— Глупость! — оборвал его Гриша. — Ведь легче принести из леса березки и высадить вдоль домов.

— Да газоны бы с цветами, как в Свердловске.

— Это здорово, но получится ли? Вон по улице Ленина каждый год подсаживают деревца, а половина их уже переломана, — заметил Юрик.

— Так в этом мы сами виноваты. Нужно ночное дежурство установить, — предложил Стасик. — Как поймем нарушителя, так расправимся, что больше не вздумает ломать.

— У мамы на шахте есть свой шахтерский суд. Вот и нам бы можно свой пионерский суд создать на каждой улице — все будет в порядке, — предложил Гриша.

Ребята притихли. Один из старейших жителей улицы Александр Павлович Ле-

венских открыл праздник. Внимательно слушали жители улицы доклад председателя исполкома о семилетнем плане нашего города, о задачах по благоустройству города и улицы Коммуны в ближайшие годы. Доклад окончен. Раздаются торжественные звуки горна и барабана: пионеры приветствуют хозяев улицы.

Потом начался большой концерт. Оказалось, что на улице Коммуны живут и певцы, и танцоры, и чтецы, и даже акробаты. Лучшие исполнители получили премии.

* * *

Немного о планах. На лето наметили поход по партизанским тропам. Сейчас оформляем материалы на темы: «Березовский в семилетке» и «Ударники и бригады коммунистического труда». Не забыли мы о красоте своего города. Решили летом установить патрули по охране зеленых насаждений и газонов с цветами. На каждой улице ребята будут бороться с теми, кто портит деревья.

Мечтаем превратить Березовский в цветущий сад.

С. Опенкина,
руководитель кружка

ИЗ НАШЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО АЛЬБОМА

Октябрьская

Улица Октябрьская возникла в 1756—1757 годах. Это вторая улица в нашем городе (первая — улица Коммуны).

Дома здесь строились медленно, так как бывшие кандалышники-рудокопы рубили себе дома после шестнадцатичасового рабочего дня. Пни некогда было выкорчевывать. Они причиняли много неприятностей прохожему, особенно в темные ночи, поэтому улица в народе называлась Пеньковкой, хотя официально именовалась Верхгорушечная.

Вероятно, многие дома на этой улице топились по-черному, так как в архивных материалах говорится, что были здесь частые пожары.

Жили на Пеньковке рабочие люди,

общие интересы сплачивали их в борьбе против несправедливости. Сергей Александрович Дуров рассказал нам, что молодежь улицы Октябрьской, бывшей Пеньковки, была боевой, не подчинялась местным властям.

Многие из жителей улицы Октябрьской стали активными борцами за Советскую власть. Среди них старый большевик Василий Николаевич Логинов. Двадцать юношей ушли добровольцами на гражданскую войну. Казанцев Григорий за героизм и отвагу был награжден орденом Красного Знамени. Воротников Осип, Яринских Николай, Кисельников Игнатий, Костромин Степан, Степанов Анатолий погибли в боях за молодую Советскую республику.

В 1928 году улица Пеньковка была переименована в Октябрьскую.

Житель этой улицы Сергей Александр-

рович Дуров создал в 1924 году первый в городе пионерский отряд.

В годы Великой Отечественной войны 23 человека с нашей улицы отважно сражались и погибли за счастье Родины.

3 августа 1958 года состоялся праздник улицы Октябрьской, который стал традиционным.

На улице Октябрьской живут три депутата горсовета: Прохоров Николай Петрович, Пермякова Клавдия Семеновна, Топорков Николай Павлович.

Составили кружковцы Л. Анисимова
и А. Прохорова

Первомайский

Первый дом в поселке Первомайском вырос в 1930 году, а сейчас это один из самых больших и густонаселенных районов города. Площадь 35,5 га, население 5 тысяч человек: русских, украинцев, татар, немцев, армян.

В поселке семьдесят домов, в основном благоустроенных, с паровым отоплением. Есть хороший клуб, в нем работают кружки художественной самодеятельности. Гордость поселка — богатая библиотека. Лучшие произведения русской, мировой и

советской литературы есть в библиотеке на нескольких языках.

Крупнейшая силикозная станция открылась в Первомайском поселке в 1949 году. В ней трудятся высококвалифицированные врачи и научные сотрудники. Директор станции — кандидат медицинских наук И. Н. Либерман. Врач П. И. Тютин разработал новый метод лечения силикоза (профессиональная болезнь горнорабочих, вызывается длительным вдыханием кремнистой пыли) и сейчас готовится к защите диссертации.

В поселке живут рабочие и служащие рудника имени Кирова. Среди них прославленный горняк, депутат областного Совета А. А. Беляев, он возглавляет бригаду, которая носит звание коммунистической; бурильщики А. М. Борисов, А. И. Бельков и другие.

В каждом доме есть люди, которые защищали нашу Родину в годы Великой Отечественной войны.

В 1960 году в поселке Первомайском построят новый большой магазин, два 24-квартирных дома со всеми удобствами. Жители украсят поселок зеленью и цветами. Он станет одним из лучших красивых районов нашего города.

Составила Л. Филиппенко

ДЕЛА КРУЖКОВЦЕВ

Школьный краеведческий музей открылся 4 января 1959 года. Это единственный музей в городе. За год его посетило свыше двух тысяч человек, среди них гости из Свердловска, Арти, Ивделя, Асбеста, Москвы, Челябинска, Камышлова, Кушвы, Первоуральска.

* * *

Члены кружка написали историю пятнадцати улиц и одного поселка.

* * *

Ребята на встрече со старожилыми города узнали, что Комаровская шахта — братская могила борцов за Советскую власть. Они подняли вопрос перед райсоветом об установлении памятника героям. В 1957 году памятник погибшим борцам за власть Советов был поставлен.

* * *

Пятнадцать походов по Уралу провели юные краеведы. Они собрали исторические материалы, изучили географию своего района, составили коллекции и гербарии.

* * *

Со старожилыми города, первыми комсомольцами, старыми большевиками, лучшими производственниками ребята организовали восемнадцать встреч.

* * *

Пятьдесят восемь воспоминаний участников Октябрьской революции и гражданской войны записали члены кружка.

* * *

В 1957 году юные краеведы организовали праздники улиц Красноармейской, Красных героев и Коммуны.

Л. АШКИНАДЗЕ,
П. ЕВЛАДОВ

301 Кадром

Едем...

...На двери одной из комнат Свердловской киностудии приколата надпись:

«ОДНАЖДЫ ЛЕТОМ»

А за дверью...

Группа фильма «Однажды летом» собирается в экспедицию. Не отходит от телефона директор группы Борис Уречкий, «утрашая» последние дела перед отъездом. Радема Михайловна — реквизитор — укладывает в ящики все, что необходимо будет при съемках. А необходимого огромные списки: от одеял и ведер до поплавка к удочке и коробок с демитилфталатом от комаров. И ничего нельзя забыть.

Лия и Жанна — ассистент и помощник режиссера — разложили на столе экземпляры только что перепечатанного сценария, монтажные ведомости: идет последняя проверка, подсчеты, заполняются первые рапорта.

В углу — «производственное совещание»: оператор и художник спорят о том,

в какой цвет следует выкрасить «Волгу», предназначенную для съемок. Виктор — администратор — тревожит вопрос: обязательно ли палатки для съемок должны быть светлого, а не защитного цвета. Где их найти?

Забот много у всех. Комплектует и налаживает свое сложное хозяйство Рита Барскова — звукооператор. Во дворе студии механики спешат закончить ремонт движка-генератора.

Наша экспедиция не собирается открывать новых земель, новых месторождений бесценных ископаемых, не собирается раскапывать затерянные города или расшифровывать древние письма. Но у нее, как и у всякой экспедиции, точный маршрут и строгое задание. Нам предстоит снять цветной кинофильм о Северном Урале: научно-популярный по содержанию и игровой по форме. Это будет рассказ о том, как пятеро студентов отправляются в туристский поход от Свердловска на север, до Денежкина Камня и обратно. И все, что увидят по пути наши туристы, увидят вместе с ними и зрители.

Полянка густого ельника превращена в туристский лагерь: группа Свердловской киностудии ведет съемку фильма «Однажды летом». Все готово, актеры на местах. Режиссер-постановщик, заслуженный деятель искусств РСФСР Александр Аркадьевич Литвинов дает последние указания молодой актрисе Оле Маркичевой...

...И вот в кадре — четверо студентов. Их руководитель — геолог Степан Волошин, воспользовавшись привалом, созвал вокруг карты маршрута маленькое совещание. Внимательно слушает Галина, подошла Наташа. Валерий Марчук — поэт в душе — слушает что-то не слишком внимательно: наверно, опять рифмуется.

Урал поражает своей красотой на каждом шагу. Оператор Олег Воронцов прижался глазом к лупе съемочной камеры: уж выбрать кадр — так выбрать! Не беда, что ради этого вместе с ассистентом Юрой Котельниковым ему приходится забираться даже в воду. Главное — как можно интереснее снять.

...22 июля — едем.

В поезде Свердловск — Североуральск один вагон полностью наш.

Собравшись в купе, слушаем рассказы нашего режиссера Александра Аркадьевича Литвинова. Ему есть о чем вспомнить: за плечами киносъемки на Камчатке, в Якутии, на Курильских островах, в Приморье и Уссурийском крае, встречи с Арсеньевым...

Немало мог бы рассказать и оператор Олег Воронцов. Он молод, но снимает фильмы уже более десяти лет. Чего только ни повидал он, объездив все уголки Урала. Но он считает, что все это рассказано с экрана снятыми им кинолентами, и поэтому, взобравшись на полку, собирается поспать до Североуральска.

Зато внимательно слушают наши актеры — выпускники московских театральных училищ. Все они впервые снимаются в кино и очень рады этому. В нашей картине Юре Вентцелю предстоит исполнить роль студента Николая Скворцова. Оля Маркичева, по фильму — Галина, о которой в сценарии его авторы Ю. Хазанович и А. Литвинов написали: «Красивая, стройная девушка с большими, открытыми глазами и прямым взглядом». Ее подругу, смешливую непоседу Наташу, играет Вера Баталова. Историк и поэт в фильме Валерий Марчук — в жизни Вадим Демин, а очкастый геолог по прозвищу «академик» — Валерий Ойвенталь. Вот наши основные актеры. Впрочем, чуть не забыли еще одного: Томми — эрдельтерьер — могучая, мохнатая собака с бородатой мордой. В фильме он Лорд — верный друг и спутник студентов.

Завтра нас ждет дорога дальше, машинами — в заповедник «Денежкин Камень». По фильму — туристы «вышли» из Свердловска, держа путь на север, а мы будем двигаться в обратном порядке, с севера на юг: Денежкин Камень, Сосьва, Краснотурьинск, Серов, Красноуральск, Нижний Тагил, Невьянск, Свердловск. На севере раньше наступит осень, пожелтеет листва и потускнеет солнце, а нам по фильму нужно лето и только лето.

Первые кадры

Тишина. Белый утренний туман медленно ползет по склону горы вверх, словно не желая расстаться с бархатной зеленью елок, открыть горные дали и

голубое небо. Туристы идут цепочкой. Неожиданный возглас: «Какая прелесть!» Все остановились, глядя вверх, где на вершине сосны суетится белка...

— Стоп! Отлично! — раздается голос Литвинова.

Это происходило в кадре. А за кадром...

Все сгрудились вокруг съемочной камеры. Шутки, крик и смех на весь лес. Радуемся: снят первый кадр, первые полезные метры.

Полезные метры — основное мерило производительности труда в киносъемочных группах. Чем больше их снято за день, тем лучше.

Но вот — шуткам конец, надо снимать следующий кадр.

— Приготовьте дымовые шашки! — командует оператор.

— Олег, снимите номер, — подставляет Жанна хлопущку, на которой написан сценарный номер следующего кадра.

— Актеры, ко мне. Слушайте задание...

Наши добровольные пиротехники, мальчишки из поселка, бросились в лес с подожженными шашками, оставляя за собой хвосты белого дыма, призванного изобразить туман.

И вот снова на склоне горы тишина. Белый утренний туман ползет вверх, открывая взору за голубой дымкой силуэт Денежкина Камня. Туристы идут цепочкой.

Закончился первый день работы. Правда, не для всех: операторы все еще сидят на горе — подкарауливают закат солнца.

День за днем, съемка за съемкой. С каждым шагом Урал разворачивает перед объективом кинокамеры одну картину чудеснее другой, один кадр привлекательнее другого.

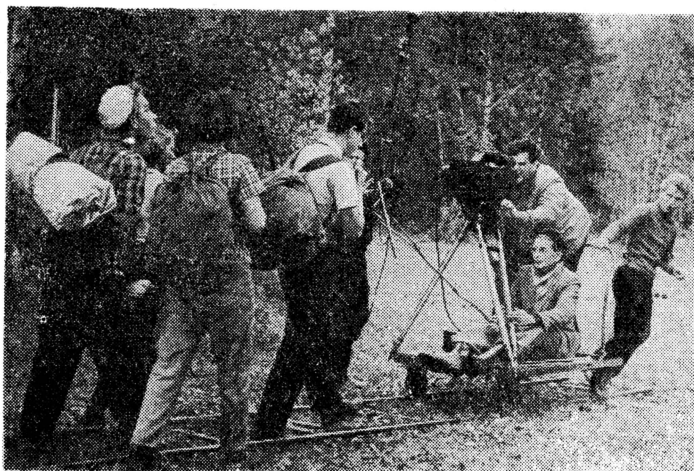
...Под густыми пихтами притаилась мшистая тропинка. Пронизав лучами хвойную завесу, солнце разбросало по лесу золотые пятна, расцветило чашу пестрыми игрушками. В одном луче — малышка-елочка, вся плюшевая, совсем ненастоящая. Рядом — куст сизой туманной голубики. Над ними, на могучей сосне, поселился бурый дракон — фантастической формы сук.

Красивых, сказочных мест на Урале столько, что выбрать лучшее почти невозможно, хочется снимать все подряд. Впрочем, мы почти так и поступаем.

Пятый турист по фильму — Николай — решил путешествовать с помощью «Волги» и, отрываясь от товарищей, то и дело терпит неудачи.

Зато шестой член группы — лохматый Лорд — верный друг, неотлучный спутник молодых людей. Стоит взглянуть на этот кадр из фильма, чтобы убедиться в том, что он-то всегда знает свое место.

... Туристы идут по Уралу. Степан, как всегда, впереди. И, как всегда, он даже на ходу «читает лекцию» о природных богатствах родного края. Игряя Степана, актер Валерий Ойвенталь должен не забывать при съемке с движения о точном сохранении заданной дистанции до объекта и микрофона. Прутик в руке режиссера — лучший помощник в этом.

Хорошо, что фильм делается цветным. Иначе удивительное создание колхозного кузнеца-художника в деревне Кунара — его домик-пряник — было бы обижено.

Будни

Когда наши машины остановились на улице поселка Сосьва, была уже ночь. Пока администраторы устраивали ночлег для группы, кто-то из пригrevшихся в кузове предложил:

— Старичков отправим на квартиры, а остальные — здесь.

— Чур, я старичок, — пискнул кто-то из темноты.

— А с какого возраста принимают в старички? — не без корысти поинтересовался другой.

— С пятнадцати, — отвечает ему чей-то бас, — пиши заявление.

— Мы по-честному, нам шестьдесят... втроем.

— А интересно, сколько лет в среднем нашей группе? Давайте посчитаем.

— Александр Аркадьич плюс Петя, плюс Борис, плюс Оля, плюс Оля маленькая, плюс...

И пошло. Складывали, делили, пока не докопались до окончательного ответа. К всеобщему удовольствию, нам в среднем оказалось 25 лет. Это устраивало и тех, кто хотел быть помоложе, и тех, кто был не прочь казаться постарше. Так вот почему нам нигде не трудно и всегда весело.

Разгружаемся во дворе только что отстроенного дома с высоким крыльцом и верандой. Как бы поужинать? Эх, чайку бы горяченького! Но в доме, где мы разместились, даже еще нет электричества. Зажгли свечи, но не разводите же ради чая костер у крыльца. И вдруг из одного чемодана появляется... са-мо-вар. Да, настоящий, тульский, с наградными выставочными медалями по всему пузу.

— Вот это я понимаю! — ахнул режиссер. — Человек собрался в экспедицию!

— Человек, самовар! — рявкнул кто-то по-купечески под общий хохот.

...И вот, сидя на крыльце, Петр раздувает свою чайную машину. А жаждущие выстраивают свои кружки в очередь: народу много, а самовар один, да и литров в нем... тоже один — вот секрет его чемоданной транспортабельности. В этот вечер долго еще продолжалось чайное бдение при романтическом мерцании свечей и карманных фонариков.

А с утра:

— Кина не будет, — объявляет кто-то, взглянув в окно.

Но решать еще рано. Сейчас только шесть утра, и, кто знает, может быть, к девяти солнце пробьет дорогу к земле. На всякий случай готовимся к выезду на съемку. В комнате у режиссера составляется монтажный лист, куда вписываются все кадры, которые намечено сегодня снять, костюмер гладит, готовит к съемке одежду и реквизит; во дворе механики возьматся у смонтированного на машине движка; операторская группа, поселившаяся неподалеку в общежитии, где есть нужная им темная комната, перематывает пленку и заряжает кассеты.

К половине девятого все ясно: снимаем. Быстро погрузившись, едем на съемку. Свежерубленные дома поселка сбегают светлой галереей с крутого берега к прозрачной Сосьве — то бурливой на каменистых перекатах, то спокойно-полноводной на широких плесах.

Через час живописный зеленый мысок Сосьвы превращается в обжитой туристский лагерь. Быстро выросли палатки, перед ними запылал костер, занял свое место нехитрый багаж туристов. Актер Валерий Ойвенталь, играющий Степана, покорно поворачивается перед гримером, который мажет его от плеч до пяток морилкой — наводит «загар». Другие по-настоящему загорают, дожидаясь своей очереди...

— Мотор!

— Есть мотор!

— Камера!

И вот в кадре...

На берегу, с удочкой в руках, застыл Степан. Рядом с ним, высунув от жары язык, — Лорд. Оба напряженно следят за поплавком. Неподалеку, в ярких купальных костюмах, перебирая душистые полевые цветы, лежат Галя и Наташа, о чем-то беседуя.

В картине этот эпизод занимает около 50 метров, на экране он пройдет менее чем за две минуты. А снимался полных два дня. Такова цена кинематографического времени!

В перерыв все собрались на солнечной полянке. Подкрепляемся чайком-кофейком и слушаем радио. Да, да, радио. На траве-мураве краснеет мухомором пластмассовый чемоданчик с белыми кнопками — радиоприемник «Турист». Двадцатый век! — сидим в лесу, где-то на севере и в то же время присутствуем на Международном фестивале молодежи в Вене. «Широка страна моя родная», — поют в

далекой столице Австрии наши земляки, студенты Уральского университета. Особого смысла полны сегодня эти слова для нас, путешественников.

...Дни отмеряются командами «камера» и «стоп». Уже август. Как бы предчувствуя скорое ухудшение погоды, мы жадно ловим солнце, снимаем от восхода до заката. «Камера... стоп» — и еще один лагерь туристов перекочевал в коробки с отснятой пленкой. «Камера... стоп» — и новые номера кадров очерчены в сценарии карандашными кружочками...

Города

...За широкой гладью воды — белокаменный город. Волны, играя закатными бликами, плещутся у высокого парапета, набегают на лестницы. Медленно шевелят веслами бесшумные лодки, с рокотом пролетают легкие моторки. Это Краснотурьинск — юный город под шестидесятой параллелью, город алюминщиков и строителей. Он восхищает на каждом шагу: залитые асфальтом проспекты, реки цветов в скверах, шеренги добротных трехэтажных домов, блестящие стеклом и никелем витрины магазинов. Для нас, только что вернувшихся из дремучих лесов, этот город приготовил еще и все прелести цивилизации: отличную гостиницу с солнечными комнатами, ванну, душ, сардины в магазине, лимонад и мороженое, а для болельщиков во главе с Олегом — футбольный матч.

...Вот Серов — бурно растущий город с его замечательным металлургическим комбинатом. Здесь особенно чувствуется ритм нашего времени, и сама жизнь то и дело корректирует сценарий. Только собрались заготовить для съемки афишу о вечере во Дворце культуры металлургов, как на его стенах обнаружили: «Вечер бригад коммунистического труда». Конечно, сняли ее, а не ту, что заготовил наш художник.

У нас в сценарии Галина обращалась к Степану, не замечавшему поэзии природы, со словами: «Посмотри вокруг, и тебе покажется, что в глубине тайги и далеко за ней царствует тишина». Перед съемкой узнали интересный факт: между Карпинском и Волчанкой ходит трамвай.

КАДРЫ БУДУЩЕГО ФИЛЬМА

и идет он прямо по тайге. Мы не могли пройти мимо такого факта, и вот как преобразился эпизод: вслед за словами Галины раздается звонок, и пораженные туристы вдруг замечают, что рядом с ними трамвайная линия, по которой, весело позванивая, бежит красно-желтый вагон.

...Познакомить зрителя с интереснейшим городом Урала Нижним Тагилом — одна из немаловажных задач нашего фильма.

С Лисьей горы, вершина которой увенчана старинной дозорной башней, превращенной теперь в ретрансляционную телестанцию, туристы увидели весь город. «Нигде так не почувствуешь настоящий Урал, как здесь, в Тагиле», — говорит о нем знающий все историк Валерка. Действительно, близкое соседство старины и нового, так характерное для «седого» Урала, четко выразилось в облике Тагила. Прямо под горой дымит завод-«старик», огни его первой домницы зажглись еще в 1725 году. А горизонт перегородили великаны-трубы гигантского современного металлургического комбината. Справа от горы черным пятном — хибары Гальянки, а слева — светом окон приглашают к себе в гости новые дома улицы Ленина, Выи, технического поселка и Вагонки.

Наши туристы по фильму прямо из знаменитого краеведческого музея попадают в прокатный цех Нижне-Тагильского металлургического комбината.

Пришли и мы снимать прокатный стан. Здесь на счету каждая секунда. Огненный слиток металла несется по ролямгангам, наполняя жаром все помещение и заставляя людей быть предельно внимательными. Им нельзя мешать. А мы мешаем: просим указать место для осветительных приборов, отвлекаем электриков, лезем на операторский пульт в поисках наиболее выразительной точки съемки и задаем кучу вопросов, уточняя будущий дикторский текст. И металлурги находят время помочь нам во всем, с гордостью и увлечением говорят о том, что их комбинат одним из первых в этой семилетке будет автоматизирован. Только благодаря их активной помощи мы смогли в один день снять весь эпизод.

Однажды жизнь еще раз дополнила наш сценарий: в руки Олегу попался номер «Огонька». Там был напечатан материал о колхозном кузнце Сергее

Кириллове. Он построил себе удивительный дом, похожий на сказочный терем. Живет Кириллов в деревне Кунара, неподалеку от Невьянска, как раз на пути наших туристов. Несколько дней — и в сценарии, а следом за ним и на пленке появился новый эпизод об уральском кузнце-художнике.

...Красноуральск — последний пункт нашей экспедиции. Была уже совсем зима, но снимать предстояло там, где времен года не бывает — под землей. Красноуральск обязан своим рождением богатым залежам медной руды. Естественно, никакие туристы не смогут пройти мимо этого города, не побывав в шахте.

В ночную смену снимали бригаду коммунистического труда. В забое тесно разворачиваться со всеми нашими осветительными приборами и кабелями, с магнитофоном и штативом съемочной камеры. Шум вентиляции мешает звукооператору, но выключить ее нельзя — от сильных ламп нестерпимо жарко. Снаряжая под землю, нас добросовестно одели в полную рабочую форму, а теперь — хоть сбрасывай все.

К утру заканчиваем съемку и выходим на поверхность... Нас встречает холодное, почти совсем зимнее солнце.

«Пусть дождь, пусть гром!»

О, солнце, солнце! Почти каждый день экспедиции ты заставляешь нас терять драгоценное съемочное время.

Планировать работу приходилось вдвое. Либо солнце, либо нет. Это означает: снимать едем либо натуру, либо помещение. Небо для всех членов нашей группы стало главным объектом наблюдений, как у древних солнцепоклонников. И пока погода оставляла хоть какие-то возможности, работали на природе.

Зафрахтованная и перекрашенная для съемок «Волга» не знает отдыха: используя всякий свободный час, режиссер, оператор и художник рыскают по окрестностям, выискивая красивые места для очередных кадров.

А потом несколько дней — надежная непогода. Небо баловало нас «разнообразием»: плотная облачность сменялась назойливым дождиком, и наоборот. Спокойно можно бродить по лесу: на съемку не опоздаешь.

Тайга полна очарования и в непогоду. С тяжелых намокших ветвей бесшумно падают капли в мокрую траву, поблескивают влажными шляпками грибы, побурел, разбух мох, задрапировавший старый бурелом, серую мглою затянуты дали, даже тишина кажется мокрой, непроницаемой.

Дышится очень легко, с удовольствием бродим по лесу, прислушиваясь к чавканью мха под ногами. Грибы таскаем домой ведрами. А вечером заводим артельную грибницу и чай со свежим брусничным вареньем, слушаем из Москвы концерты по радио.

Как ни вольготна такая жизнь, каждый заканчивает свой день взглядом надежды на небо.

На горе Высокой впервые померзли. С утра, не дожидаясь солнца, выехали на съемку в надежде использовать хоть несколько просветов. Приготовили технику, определили кадр и... ждем. Мерзнем на ветру, гадая на гуще облаков: будет или не будет? А смотреть куда интереснее вниз: прямо под ногами обрыв, как огромный древнегреческий театр, ярусами уходит в глубину рудный карьер горы Высокой. Грохочут взрывы, вскрывая новые пласты; экскаваторы полными ковшами гребут рудные богатства, быстро выносят их на поверхность электропоезда...

— Когда-то Мамин-Сибиряк предполагал, что Тагил сделается русским Бирмингемом и вытеснит с русских рынков привозное железо. Мечта писателя сбылась после Октября. Теперь руда, взятая отсюда, превращается на заводах Тагила в чугуи, в сталь, в прокат и замечательные машины, — так готов сказать словами сценария Степан Волошин, а пока он вместе со своими спутниками и всей группой мерзнет и ждет солнца.

Лишь на третий день удалось снять то, что планировали сделать за три часа.

Ненастье и дождь — злейшие наши враги за кадром, а в кадре иногда нужны и они. Сегодня снимаем эпизод, в котором Урал угощает наших туристов непогодой.

На живописном берегу большого лесного озера — две знакомые палатки. Перед ними из-под коряги дымит костерок. Низко нависли серые облака. И вдруг — ливень. Зашипел, захлебнулся костер. С визгом бросились в палатку Галя и Наташа, поспешно прячется не-

торопливый Степан. Одним прыжком перемахнув корягу, ныряет под брезент Валерий, не сбавляя галопа влетает Лорд...

— Стоп, выключить дождь! — раздается вопль оператора. — Плохо, приготовьтесь снова! Куда вы льете? — мокрый насквозь, обращается он к пожарным. — Я же показывал: один шланг должен лить на палатки, а другой вот сюда, не дальше.

«Поставщики дождя» смущены, в общем-то, они не виноваты: мешает ветер. Он несет воду, куда ему вздумается. В результате каждый раз сухими из нее выходили как раз те, кто должен был мокнуть, — актеры.

Ради нескольких полезных метров, мокрые и грязные, возимся несколько часов. Но зато — опыт. Наши новые помощники — товарищи из пожарной охраны — явно приобрели его и на следующей съемке дождили безукоризненно.

Наперекор всем природным и прочим неурядицам мы все же перевыполняем съемочный план, и потому нас не покидает бодрое настроение.

Родилась частушка:

Пусть дождь, пусть гром, —
Победим его кино.
Нам не страшен даже снег,
Потому что есть Олег.

Как снег на голову...

Но вот, как снег на голову, появился... снег.

И хоть пели о нем всего несколько дней назад — испугались не на шутку. Ведь у нас впереди еще не одна натурная съемка и в том числе такой большой объект, как первый лагерь туристов. Правда, снег пролежал не больше часа, но листва катастрофически желтеет, а фильм называется «Однажды летом»...

Хорошо, что существуют деревья, которые «зимой и летом — одним цветом». Рядом с городом посчастливилось найти заповедный уголок — еловую рощицу. В ней разбили первый по картине, последний по экспедиции палаточный лагерь.

На общие планы кое-как вылавливаем солнце, средние и крупные — снимаем при искусственном свете, больше не надеясь на милости природы. Без пальто

ПАРОХОД ПОСТРОЕН В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

Сидел я как-то в Свердловском государственном архиве. Разыскивал материалы о писателе Ф. М. Решетникове. Просматриваю дела Екатеринбургского уездного суда, где служил юный Решетников. Вот и последний том за 1851 год. Перелистываю последние страницы. В это время писатель уже уехал из Екатеринбурга, в суде не служил. Но для очистки совести нужно дело досмотреть до конца.

И вдруг неожиданная находка: дело, к Решетникову никакого отношения не имеющее, но в нем упоминается имя екатеринбургского заводчика Тета — основателя первого механического заведения в Екатеринбурге.

Оказывается, в 1851 году в Екатеринбурге, на фабрике Тета, построили пароход «Урал». Машину, котел и корпус его в разобранном виде доставили на одну из чувовских пристаней, здесь собрали, и готовый пароход по вешней высокой воде, в мае 1851 года, сплавляли на Каму.

Значит, уже в середине прошлого века в Екатеринбурге существовало паровое судостроение. Небезынтересный факт в истории города, далеко отстоявшего от судоходных рек (Чусовая не в счет, так как судоходной она была только в течение 1,5—2 месяцев в году, во время половодья).

Вскоре свердловский архивист А. Г. Козлов рассказал мне, а потом и опубликовал свой рассказ, что в том же 1851 году Екатеринбургская казенная механическая фабрика выстроила железный пароход «Граф Вронченко». Этот пароход отправили из Екатеринбурга для плавания в Каспийском море.

Еще одно звено в истории парового судостроения на горном Урале.

Интерес мой к этой маленькой любопытной теме возрастал. Я стал расспрашивать о ней людей, причастных к истории машиностроения в нашем городе. И вскоре к собранному материалу прибавился новый факт.

Инженер В. В. Зейферт, занимавшийся сбором материалов по истории свердловских заводов, показал мне старый фотоснимок:

— Как вы думаете, где построен этот пароход?

— Ну, где-нибудь на Волге...

— Да ведь это наш с вами земляк!

уже никто не отваживается выезжать: очень холодно. Актеры, прежде чем войти в кадр, сбрасывают с себя, как листья с капустного кочана, все теплое: телогрейки, одеяла, платки и шарфики — и снова обрастают ими по команде «стоп, камера». Все жмутся к кострам, к нагретым осветительным приборам.

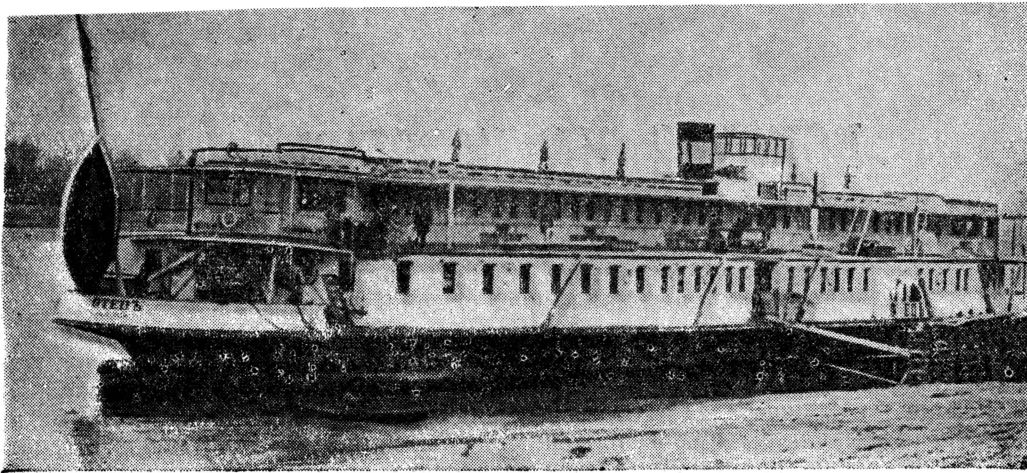
Спешим. Решили в перерывах не ездить на обед, обходиться «сухим пайком». Как мы дорожим временем, может не понять только собака. Томми не желает сегодня сниматься: ему по кадру следует кидаться на дерево, лаять, а он настроен благодушно. В тшетных усилиях проходит час. Наконец, загоняем на дерево Иру с запасом сахара, и беленький сладкий кубик в ее руке вдохновляет лохматого актера. Томми начинает бро-

саться на дерево, царапать когтями кору, лаять — словом, проделывает все, что нужно нам снять.

...Пока идет эта возня, актеры свободны, греются, как умеют: выплясывает Оля Маркичева в паре с завернутым в плащ-одеяло Юрой Вентцелем. Вера спряталась в «Волге», другие — у костра. Здесь же костюмер сушит выстиранные вчера брюки Марчука: сейчас Вадима одевать на съемку.

А вечерами снимаем ночные сцены.

...Теплые блики огня играют на палатках, перемешиваясь с холодным светом луны, озарившей лес. Приемник залил поляну звуками вальса. В причудливом свете кружатся пары, и далеко по темному лесу разносятся музыка и веселый смех... Это — в кадре.

Оказывается, бывая на квартирах у многих старых рабочих бывшего механического завода Ятеса в Екатеринбурге, Зейферт обнаружил эту фотографию. Владелец ее утверждал, что пароход «Отец» был построен на заводе Ятеса в 1910 году и отправлен в Тюмень.

Новое звено истории было прочно спаяно с предыдущим. Судостроением в нашем городе в 20-х годах занималось то же самое предприятие, что и в XIX веке. Оно лишь сменило хозяина, перейдя от Тета к другому англичанину — Фоме Ятесу. Ныне это Свердловский машиностроительный завод.

Попытки разыскать какие-нибудь сведения о дальнейшей судьбе парохода на месте, в Свердловске, не увенчались успехом.

Конец этой истории помог мне дописать капитан Обского государственного пароходства В. П. Рожков. В конце прошлого года я получил от него такое письмо:

«...мне удалось выяснить следующее: пароход, о котором вы спрашиваете, действительно строился на тюменской верфи в 1910 г., в основе

своей из частей (машина, котел, заготовки корпуса), выполненных на б. заводе Ятеса в Екатеринбурге. Назван он был в честь судовладельца Корнилова (отца) «Отец». После национализации флота получил наименование «Карл Либкнехт», под которым и работает до настоящего времени в Иртышском пароходстве на грузопассажирской линии Омск — Салехард. За это время у него были заменены котлы, а машина и корпус — прежние. Деревянная надстройка в процессе средних и капитальных ремонтов, естественно, получила большие изменения...

В эту зиму, как и обычно, «Карл Либкнехт» зимует в затоне Омского судоремонтного завода».

В. П. Рожков сообщал также, что до революции у судовладельца Корнилова был еще один пароход (буксирный), носивший название «Сын». В годы Великой Отечественной войны пароход еще работал в Обском пароходстве. Но теперь следов его капитан не обнаружил.

Может быть, их разыщут следопыты — читатели журнала.

Л. Неверов

Снимаем и снимаем, день за днем, вечер за вечером. Даже на ночь не убираем ничего, чтобы утром не терять времени на подготовку. Отважные добровольцы из бригады осветителей поочередно остаются ночевать в палатке, стеречь при свете костра все наше бесценное имущество. Удовольствие, прямо скажем, из средних: то ветер, то дождик, а то и снежок.

Эпилог

В Свердловск идет телеграмма: «Съемки фильма «Однажды летом» закончены месяц раньше срока тчк Директор картины Урецкий».

Кончилась наша экспедиция, наше своеобразное путешествие по Уралу, про-

должавшееся в общей сложности около четырех месяцев.

Первые и самые придирчивые ценители его результатов — мы сами. На экране студийного просмотрового зала снова и снова проходят перед нами Всеволод-Благодатск, Сосьва, Тагил. Непосвященный ничего бы не понял: беспорядочной чередой сменяются на немом экране куски и кусочки каких-то эпизодов. Актеры беззвучно шевелят губами, кусочки повторяются по нескольку раз, и каждый начинается появлением черной доски с написанными на ней мелом цифрами. И так много часов подряд.

Прежде чем из всего огромного количества снятого материала родится фильм, еще многие-многие руки разных специалистов пройдет он.

КОНКУРС НА КОРОТКИЙ РАССКАЗ

Свердловское отделение Союза писателей, Свердловский обком ВЛКСМ и редакция «Уральского следопыта» объявляют конкурс на лучший короткий рассказ для журнала.

Короткий рассказ — наиболее оперативная форма отклика писателя-художника на явления современности. Журнал «Уральский следопыт» ждет от писателей рассказов о сильных советских людях, в которых проглядывали бы ярко выраженные черты характера современного героя — человека-коллективиста, мужественного, волевого и много умеющего, беззаветно преданного коммунистическим идеалам.

Пусть герои действуют в обстоятельствах необычайных. Пусть поступки их выглядят необыкновенными. Пусть случаи из жизни, положенные в основу рассказа, будут удивительными, редкими. «Уральский следопыт» ратует за романтический подход к действительности, за героико-современности, против бытовой заурядности.

Бывалым людям, людям долга, искателям-героям, преодолевающим самые трудные препятствия на пути к цели; героям-следопытам, умеющим в повседневных буднях отыскивать большую, высокую цель и устремляться к ней, целиком отдаваясь захватившей его страсти; героям, разносторонне подготовленным к выполнению самых сложных задач сегодня и в будущем, — таким героям в журнале предпочтение.

Короткий рассказ — жанр, в котором, по мнению редакции «Уральского следопыта», следует оттачивать свое мастерство всем молодым литераторам. Это наиболее трудный жанр в литературе, но начинать с него — вернее, нежели сразу браться за многостраничный роман или повесть. Поэтому, наряду с писателями-мастерами, мы настойчиво приглашаем участвовать в конкурсе нашу литературную молодежь.

Конкурс проводится с 1 июня по 15 ноября 1960 года. Итоги будут подведены к 1 декабря 1960 года. Рассказы, приемлемые к опубликованию, будут печататься в журнале по мере их поступления в редакцию. Размер рассказа — до 8 страниц на машинке.

Рукописи присылать в двух экземплярах по адресу:

Свердловск, 14, улица Малышева, № 24, редакции «Уральского следопыта», на конкурс короткого рассказа.

Редакция журнала просит также всех авторов прилагать к присылаемому рассказу краткую заметку о себе и свою фотокарточку для опубликования.

Устанавливаются следующие премии за лучшие короткие рассказы:

первая премия — 10 000 рублей,
вторая премия — 6000 рублей,
третья премия — 4000 рублей.

Итоги конкурса будут подведены на совместном заседании редакционной коллегии журнала, секции прозы Свердловского отделения Союза писателей и отдела агитации и пропаганды Свердловского областного комитета ВЛКСМ.

Художественная выставка

УРАЛ

И. НЕСТЕРОВ
ГЕОЛОГИ
Фрагмент

Б. КОНДРАШИН

РАПОРТ БРИГАДИРА

Е. ГУДИН

СПЛАВЩИКИ

Н. ЧЕСНАКОВ

КАМЕННЫЙ ПОЯС

А. БУРАК

НА ТАЛЬКОВОМ РУДНИКЕ

Взрывники

К. СТЕШЕНКО

Рисунки Т. Смольниковой

«Мирные саперы» — так называют их на Урале. Действительно, кому больше, чем им, приходится и в спокойные дни встречаться один на один с опасностью, совмещать трезвый расчет с волнующим риском?

За долгие годы журналистской работы мне не раз приходилось встречаться с людьми этой нелегкой и увлекательной профессии. О некоторых из них и хочется рассказать читателям «Уральского следопыта».

Отчаянный

На строительстве завода сборного железобетона готовился мощный взрыв. Уже заложены все семь тонн аммонала, уже подготовлены шнуры — только запалить их. И вдруг новость — взрывать нельзя. Рядом стоит экскаватор. То ли был он неисправен, то ли подъездные пути не готовы — во всяком случае, стронуться с места экскаватор не мог.

Что делать? Откладывать не хочется — будет простой у строителей. Мастер взрывных работ Григорий Михайлович Соколов еще раз проверил расположение шпуров, отсчитал расстояние до экскаватора, прикинул что-то в тетрадке.

— Можно начинать!

Но строители все еще колебались. Соколов иронически посмотрел на них и молча зашагал прямо к машине. Лишь уютно устроившись в ковше экскаватора, он крикнул:

— Кому говорят — взрывайте! Что думаете, я так, запросто, себя подставлять буду?

Взорвали. Для любопытства потом проверили. Крайняя огромная глыба всего шесть метров не долетела до экскаватора. Точность!

Тогда-то Григория Михайловича и прозвали «отчаянным». Сам он не очень согласен с таким титулом. При чем здесь отчаянность, просто-напросто расчет. На то и голова дана, чтобы думать.

На Верх-Исетском заводе однажды случилась авария: почти у самого верха прогорела, накренилась набок заводская железная труба. Легкая огнеупорная кладка внутри трубы закрыла дымоход.

Решение одно — отрезать накренившийся кусок трубы. Однако как это сделать? Подумали о верхолазах — пусть обрежут ее кислородом. Но строить леса на сорок метров вверх — больно уж накладное дело.

— Поручите взрывникам, — предложил Соколов.

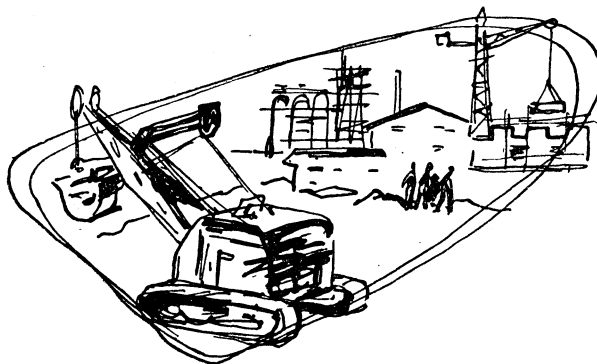
— А справитесь? Не повредите здоровую часть трубы, соседние здания?

— За нас не беспокойтесь, — как всегда резковато ответил Григорий Михайлович. И сразу принялся за дело.

Он вел все расчеты, приготовил взрывной пояс из двенадцати ниток детонирующего шнура. Затем по специально сооруженной для него составной лестнице взобрался на трубу.

Теперь надо было поднять наверх с помощью троса взрывной пояс. Работа трудная, даже для двух человек. Но второму не хватало места на узкой лестнице.

Пришлось Соколову одному. Наконец, взрывчатка наверху, уложена, закреплена. Чтобы труба упала в нужную сторону, поставлены дополнительные заряды. Через несколько часов Григорий Михайлович слез с порядком надоевшей ле-

стницы. Лицо его было черно от пота и налипшей пыли.

Ток включен. Взрыв. Оборванный кусок трубы рухнул точно в намеченное место.

А мастер и смотреть не пошел. Закурил не спеша и направился в цеховую конторку. Уверен был, что расчеты не подведут.

«Часовых дел мастер»

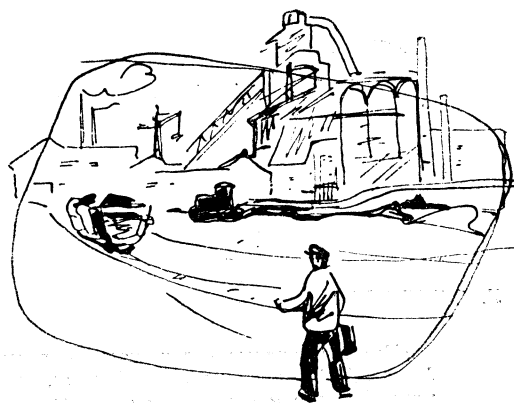
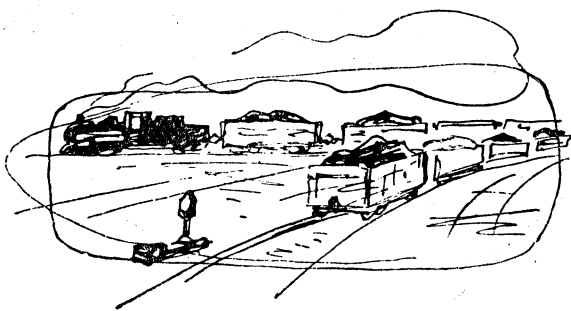
У каждого взрывника свой «почерк». Одному подавай крупные работы, тонны аммонала. А мастер Владимир Петрович Полухин не расстается с аптекарскими весами, меряет взрывчатку на граммы. Где нужна особая точность, туда приглашают его. Не зря в своей среде Полухина называют «часовых дел мастером».

Тридцать с лишним лет Владимир Петрович отдал опасной, но увлекательной профессии. Он трудился на разработках асбеста, на прокладке железнодорожных путей Урала, на многих других объектах. И ни единой промашки!

Недавно на Уральском алюминиевом заводе нужно было прямо в цехе взорвать фундаменты старых дизелей. В пяти метрах работали станки, которые нельзя было остановить, в двух метрах пролегал электрический кабель.

Это была ювелирная работа! Владимир Петрович целую тетрадку исписал расчетами. И своего добился: заряды сработали так чисто, что ни станки, ни кабель нисколько не пострадали.

В Каменск-Уральский доставили тридцать вагонов смерзшегося угля. Разгрузить его через люки было невозможно.

А если разбивать и бросать за борты — работы на неделю. Пригласили взрывников посоветоваться.

Владимир Петрович — человек обстоятельный. Вынул он неразлучные аптекарские весы и начал «советоваться». Как разрыхлить уголь, чтобы не повредить вагоны? Рассчитал объем угля, его плотность. Сделал один пробный взрыв, потом второй. А когда подобрал вес заряда, сказал железнодорожникам:

— Приходите через четыре часа. Тогда и поговорим.

Что же вы думаете? Ровно через четыре часа весь уголь в вагонах был разрыхлен. И ни один кусочек вверх не взлетел. Еще через два часа — закончилась разгрузка.

Такой он — «часовых дел мастер» Владимир Петрович Полухин!

Подземный хранитель

Профессия взрывника, как правило, кочевая. Сегодня — на заводе очищает свободную площадку, а завтра — уже в другом городе сносит для строителей старое здание или на уральской реке «раздирает» затор сплавной древесины.

Но Николай Владимирович Барыкин — человек оседлый. Каждое утро отправляется он к себе, на Уралмаш, хотя работает не на заводе, а в «Уралвзрывпроме».

Товарищи шутливо зовут Барыкина «подземным хранителем». В его распоряжении специальная яма, в которую опущены два сруба из толстых бревен.

Промежуток между срубами заполнен землей. Внутренние стенки покрыты бронеплитами.

Для чего все это?

На Уралмаше уже давно огромные металлические болванки, идущие в отходы, дробят при помощи взрывов. Уложат «кусочки» в несколько тонн рядышком, прожгут кислородом шнуры для зарядов. Когда все готово, заполненную металлом яму накрывают бронированным полотком.

Тут уж Николаю Владимировичу приходится пошевеливаться. Быстро поджечь заряды! И скорее наверх! От глухих взрывов вздрагивает многотонный стальной потолок.

Представьте себе, что творится в бронееме во время взрыва! Но массивное сооружение все выдерживает. Только Барыкин не торопится заходить туда. Подсчитает число взрывов, подождет пятнадцать минут — все тихо. Тогда уж открывает дверь. На полу — стальная мелочь. Теперь можно поднимать потолок, увозить металл.

Проходит несколько дней, и опять огромные болванки штабелями уложены под землей. Опять Николай Владимирович готовит очередной взрыв. Казалось бы, простая работа, а сколько труда и умения она требует.

Вот что значит «подземный храниль»!

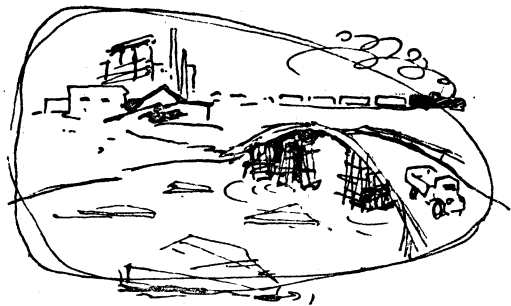
Взрывник ошибается только раз

Взрывники, что минеры на фронте, — ошибаются только раз.

...Это случилось несколько лет назад. После суровой зимы начался опасный ледоход. Нужно было отстоять мост — единственное средство сообщения между строительством завода и железнодорожной станцией.

Гонимые мощным паводком, льдины громоздились одна на другую. Мост скрипел и дрожал. Люди пытались отгонять льдины пожарными баграми, но безуспешно.

Медлить было нельзя. Тогда на мосту появился взрывник Потапов. Точными бросками посылая он на льдины заряд за зарядом. Звон стоял над рекой, льди-

ны переворачивались, раскалывались на мелкие куски и уплывали под мост. На смену им двигались новые, но Потапов взрывал и их.

Десять часов продолжался поединок человека с разбушевавшейся стихией. Напор льда ослабел. Мост можно было считать отвоеванным.

Тогда-то и произошло непоправимое...

Потапов устал. К тому же, видя, что дело идет к концу, он начал работать небрежнее: не так внимательно прицеливался, не так тщательно готовил заряды.

Наказание последовало немедленно — очередной заряд не попал в цель. Громадная льдина стала подходить к мосту. Потапов бросил второй заряд.

Но лучше бы он этого не делал. Льдина с горящим зарядом мчалась на мост, угрожая не только снести, но и взорвать его. Все, кто был на мосту, бросились врассыпную.

Вот тут-то Потапов показал себя мужественным человеком. Он прыгнул в воду, подплыл к льдине, схватил тлеющий заряд. Едва успел отбросить его — заряд разорвался в воздухе. Мост был спасен, но Потапов тяжело ранен.

Около года он пролежал в больнице. Врачи вернули ему здоровье и силы, но как взрывник Потапов был потерян.

Вот что значит минутная небрежность!

* * *

Вы читаете наш журнал. А, может быть, в это время, почти рядом с вами, за несколько кварталов, мой товарищ-взрывник готовит свою очередную смелую операцию. Она пройдет буднично, спокойно — вы даже не узнаете о ней.

Мирные взрывы... Пусть на земле останется место только для таких — добрых, созидательных, ради блага людей.

Счастливой работы вам, «мирные саперы»!

ЛЮДИ и ДЕНЬГИ

Вл. БРАБИЧ
Рисунки Ю. Ефимова

Обелиск, а не памятник

Деньги появились на земле так давно, что теперь уже трудно установить, где, когда и при каких обстоятельствах были выпущены первые монеты.

Некоторые древние ученые и писатели говорили, что монеты появились между VIII и VII столетиями до нашей эры и что эти монеты были изготовлены из серебра в царствование Фидона, правителя греческого города Аргоса. А один из ученых, Орисн Фиванский, добавлял еще, что Фидон, приказав вычеканить монеты, посвятил богине Гере, покровительнице Аргоса, обелиски.

Мы знаем, что обелиском называется памятник, обычно в виде четырехгранной колонны. Но Фидон посвятил богине не памятники.

До появления монет у греков роль

денег исполняли товары: крупный домашний скот, железные котлы для варки пищи и железные четырехгранные прутья-вертелы для за жаривания на огне мяса. Вертелы греки называли «обелисками», и название это, перенесенное позднее на памятники, представляющие собой граненую «каменную иглу», сохранилось до наших дней.

Когда прежние «деньги» заменили монетами, громоздкие и неудобные в обращении вертелы-обелиски были торжественно переданы в храм «покровительницы».

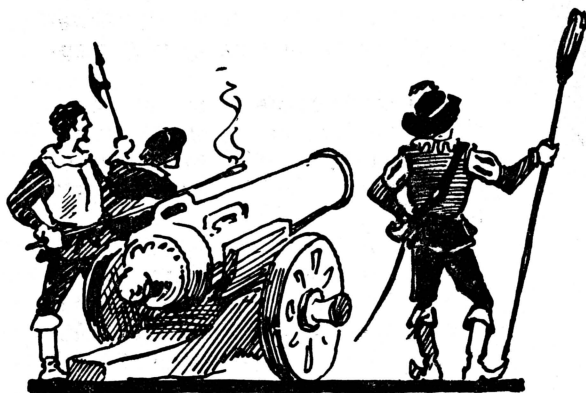
Любопытно, что название мелкой древнегреческой монеты — «обол» тоже происходит от слова «обелиск» и что в том же Аргосе в IV веке до нашей эры появились не полноценные серебряные, а железные оболы. Вероятно, городские власти по-своему истолковали «мероприятие» своего предка Фидона, и сочли железо тем «священным» металлом, из которого допускается изготавливать монеты при хозяйственных затруднениях...

Впрочем, существовали монеты еще более неполноценные, чем железные. Рассказ о них — это рассказ о большом мужестве людей, не покоровшихся иноземным порабощением.

Обелиски.

Память мужества

В 1556 году в состав владений жестокого и коварного испанского короля Филиппа II были включены Нидерланды. А через несколько лет свободолюбивые нидерландцы подняли восстание против порабощителей. Одним из центров борьбы стал город Лейден.

В мае 1574 года испанские войска осадили Лейден, создав вокруг него кольцо блокады. В городе исчезли из обращения золотые и серебряные деньги, затем стало не хватать медных монет. Для выплаты жалованья защитникам Лейдена, а также для поддержания торговли пришлось изготавливать монеты из картона. Так появились деньги, которые горожане прозвали осадными.

Однако вскоре же после начала блокады выяснилось, что торговать, собственно говоря, нечем. В городе быстро израсходовали небольшие запасы продуктов. Для 15 тысяч лейденцев наступили мучительные дни голода.

В довершение бед в городе распространилась страшная болезнь — чума. Голодные и больные люди умирали прямо на улицах и на крепостных стенах. Но на предложения испанцев сдать Лейден осажденные мужественно отвечали:

— Пока вы будете слышать лай собаки

Осадные деньги Лейдена.

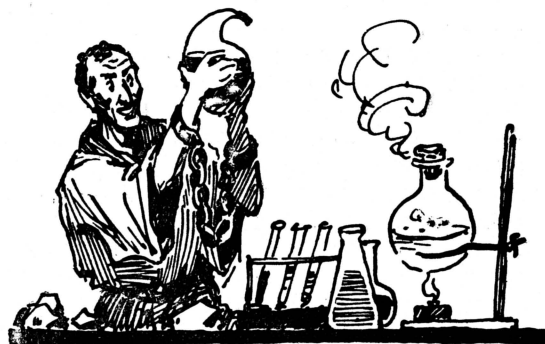
и мяуканье кошки в этих стенах, знайте, что город держится. Когда же все живое, кроме нас самих, погибнет, то будьте уверены, что каждый из защитников съест свою левую руку, но сохранит правую, чтобы ею уберечь нашу свободу!

— Лучше затопить землю в осенние бури, чем отдать ее врагам! — решили жители страны. На побережье были прорыты дамбы плотин и открыты шлюзы всех каналов.

В ночь с 1 на 2 октября 1574 года разразился сильный шторм. Море хлынуло на низменные равнины окрестностей Лейдена, затопляя плодородные пастбища, плодовые сады, поля чудесных тюльпанов. А еще через день военные и торговые корабли восставших прорвались к исстрадавшемуся городу, и испанцы в панике бежали от его стен...

Вот о чем свидетельствуют сохранившиеся до нашего времени картонные монетные кружки, помеченные 1574 годом и с изображением поднявшегося на задние лапы вооруженного льва.

Хрупкие деньги

В старину в европейских странах существовало много алхимиков. Это были главным образом разные мошенники, которые выдавали себя за знаменитых ученых. Они составляли в бесконечных химических опытах какой-то волшебный порошок, и тот будто бы мог сделать людей бессмертными, а все металлы превратить в золото.

Такому заманчивому веществу даже дали подходящее название — «арканум». В переводе с латинского языка это слово означает «тайна».

Алхимики пользовались авторитетом,

Монеты из фарфора. 1922 год.

так как каждый из императоров или королей, отнюдь не заботясь о бессмертии людей, стремился обогатить свою казну. И прайдохи старались вовсю: например, Англия при короле Генрихе VI была буквально наводнена фальшивым «искусственным» золотом и монетами, изготовленными из него.

Тем не менее, рано или поздно мощенничества разоблачали, и алхимики обычно кончали жизнь на костре или на виселице.

Но одному из них, немецкому алхимику Иоганну Фридриху Бетхеру, повезло больше других: его имя прочно вошло в историю.

Занимаясь «изысканиями» золота, Бетхер однажды был арестован по приказу правителя Саксонии — Августа Сильного. В тюрьме алхимику предоставили целую лабораторию для получения золота, которого так не хватало расточительному правителю.

Само собой разумеется, что никакого золота Бетхер не открыл. Зато ему посчастливилось разгадать «китайский секрет»: способ изготовления фарфора, изобретенного в Китае около 1500 лет назад. В Европу фарфоровые украшения и посуда начали проникать лишь с XII века, и ценились они столь же дорого, как и золото.

Вот почему Бетхер, так и не «придумав» золота, получил свободу и почетную должность при возникшем в 1709 году в городе Мейсене производстве фарфора.

Алхимик умел держать язык за зубами и секрета приготовления «китайской массы» раскрывать во всех подробностях не пожелал. Благодаря этому мейсенские изделия и их фабричное клеймо — голу-

бые скрешенные мечи, герб Саксонии — приобрели громкую славу почти по всей Европе. «Арканумом» стали называть отныне приготовленные фарфора, а иногда и сам фарфор.

Но Бетхеру даже не могло прийти в голову, что из созданного им фарфора когда-нибудь будут изготавливать монеты. Между тем наступили и такие времена.

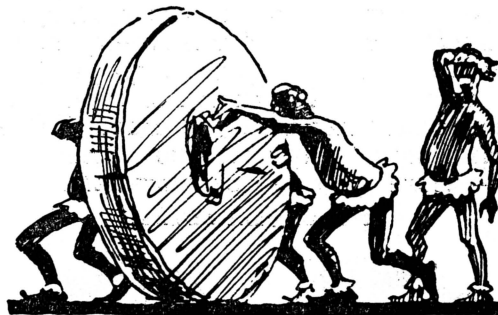
Начиная в 1914 году войну, император Вильгельм II мечтал о мировом господстве. В итоге этих бредовых мечтаний Германия потерпела сокрушительное военное поражение. Залив Европу кровью миллионов людей, разоренная страна сама задыхалась в разрухе и безработице, в голоде и нищете.

В таких условиях немецкие деньги потеряли всякую ценность. Не хватало металла для выпуска монет. И вот тогда-то вспомнили о славе мейсенского фарфора. Было решено изготавливать деньги из «арканума».

На некоторых фарфоровых монетах художники поместили изображение человеческой фигуры со связанными крыльями, стоящей на коленях перед чахлым растением. Так сами немцы представляли свою послевоенную жизнь.

«Арканум» не помог восстановлению хозяйства в стране. Монеты из фарфора оказались слишком непрочными в обращении, быстро ломались. Вскоре выпустить их перестали...

Монеты на дорогах

В одной старинной немецкой сказке говорится, что есть на свете чудесная страна Шлараффия. Там на деревьях

висят не листья, а золотые и серебряные монеты. Жители сбивают их палками, причем забирают только крупные деньги, а мелочь оставляют лежать под деревьями.

Это сказка, но и в действительности существует на земле такое место, где деньги лежат прямо на улицах и дорогах. Правда, деньги не золотые и не серебряные.

В западной части Тихого океана разбросаны многочисленные Каролинские острова. На одном из них — на острове Яп — население пользуется удивительными деньгами. Таких теперь нигде более в мире не встретишь. Островитяне называют их «феи» или «фе».

Это плоские, просверленные в центре круги, вытесанные из твердого белого камня арагонита. Диаметр их достигает 5 метров, а вес доходит иногда до нескольких тонн!

«Монетный двор» находится на расстоянии сотен километров от Яп — в каменоломнях островов Палаву и Гуам. А так как поездки туда на лодках стоят многих трудов, как и изготовление самих фе, япские деньги ценятся дорого. Например, за один большой фе можно купить множество всяких плодов, лодку, участок земли, хижину.

Жители Яп «хранят» свои деньги на улице, перед хижинами. Носят же их на плечах, с помощью бамбуковых шестов, или перекатывают целой ватагой.

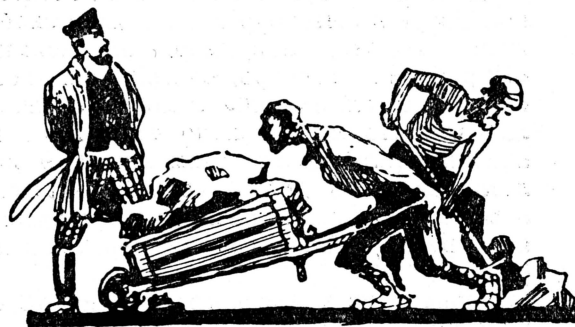
Русские монеты из платины.

Поскольку такое «ношение» денег требует немалой силы, каменными «монетами» пользуются только мужчины. У женщин Япа имеются свои деньги, «джар» — морские раковины, которым придают форму лопаточек, затем полируют и носят на шнуре.

Когда и почему появились на Япе деньги из камня, об этом точно не знают. Но о большой древности фе свидетельствуют находки таких же «монет» в Китае, и археологи относят их к давним первобытным временам...

Уральские платинки

В 1819 году промывальщики золота на Невьянских приисках обнаружили в песке зерна какого-то тяжелого металла серовато-белого цвета. Несколько лет спустя россыпи такого же металла были открыты вблизи Нижне-Тагильских заводов. Исследования показали, что этот металл — платина.

До открытия платины на Урале месторождения ее были известны главным образом в Южной Америке. Оттуда платину завезли в Европу испанцы, а шведский ученый Шеффер написал в 1752 году книгу под названием: «О белом золоте, именуемом в Испании «платина дель Пинто», или «сребрецо из Пинто». Таким образом, само слово «платина» — испанское и в своей уменьшительной форме («сребрецо») оно происходит от испанского же слова «плата» — серебро.

Еще в середине прошлого столетия южноамериканские жители мало ценили свое «белое золото». Обрабатывать его они не умели и употребляли зерна металла как охотничью дробь или же зашивали в мешочки, которые затем служили гирьками для настенных часов.

Что же касается испанских колонизаторов Южной Америки, то в их времена широкая торговля платиной запрещалась, а металл, бывало, даже топили в море. Цивилизованные грабители боялись, что «туземцы» могут подмешивать платину к золоту, а поскольку при этом цвет золота почти не меняется, обман будет трудно раскрыть.

Вот почему царское правительство в России попросту не знало, какое применение найти открытому на Урале «серебру». В то же время в сбыте этого нового металла были весьма заинтересованы влиятельные Демидовы. И, быть может, не без их нажима министры решили изготавливать платиновые монеты.

Деньги эти стали чеканить на Монетном дворе в Петербурге. Они были снабжены такими, например, надписями: «12 рублей на серебро. Чистой уральской платины 9 зол. 68 дол.» Надписи означали, что стоимость около 41,5 грамма платины (или, по прежним мерам, 9 золотников и 68 долей), содержащихся в монетном кружке размером с тогдашний рубль, равнялась 12 серебряным рублям.

Монеты из уральского серебра в 3, 6 и 12 рублей выпускались с 1828 года и назывались в народе «платинники» или просто «платинки». Но просуществовали они недолго: через 17 лет платинки перестали чеканить из-за того, что стоимость металла в других странах колебалась, и поэтому он не мог служить прочной мерой ценности, как золото или серебро.

Кроме того, правительство опасалось, что из платины, ценившейся за границей дешевле, могут изготовлять фальшивые деньги. В одном из указов говорилось об этом прямо: «Злонамеренные люди, и особливо из иностранцев, быв подстрекаемы прибылью, могут покуситься на выделку оной монеты, а посему полезно и едва ли не необходимо принять в сем деле меру окончательную».

С прекращением чеканки монет из платины не закончилась, однако, добыча этого металла. Его природными свойствами (а платина не изменяется при нагревании на воздухе, не подвергается действию кислот, может быть вытянута в тончайшую — до 0,001 миллиметра — проволоку) заинтересовались англичане. В 1863 году был совершен акт беспримерной глупости: с одобрения царя, уральские платиновые прииски по дешевке сдали в аренду промышленникам Джонсону и Маттею.

Ловкие дельцы изготавливали из платины химическую посуду для всего мира. А позднее, когда платина получила большое применение в электротехнике, торговая фирма «Джонсон, Маттей и К^о» нажила на уральском серебре многие сотни миллионов рублей прибыли.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции хищничеству иностранцев пришел конец. Теперь платина расходуется на нужды нашего народного хозяйства, и самыми крупными ее потребителями стали многочисленные научные учреждения.

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

«Необычайное путешествие в год 1965-й»

Такую игру организовала тугулымская библиотека вместе со школьниками. Цель игры — ознакомить ребят с задачами, стоящими перед нашей страной в семилетке, пробудить у них интерес к книгам о рабочих профессиях.

При библиотеке организован «Штаб путешествия». Члены «штаба» Женя Комиссаров, Валя Зюлькина, Ваня Сидоров и Миша Шепелин разрабатывают маршруты, выдают специальные билеты. На них написано:

«Сегодня ты начинаешь необыкновенное путешествие в завтрашний день нашей Родины. Помни,

что ты войдешь в завтрашний день не гостем, а хозяином, строителем. Опиши в дневнике свое путешествие: как ты работал, учился, отдыхал в 1965 году? С какими людьми встречался? Какие изменения произошли в нашей жизни за эти 7 лет? Какие книги помогли тебе совершить путешествие? С дороги пришли не менее двух писем с рассказом о том, что ты видел в пути».

Ребята «побывают» по выбору на одной из строек семилетки: прочитают книги, журналы, газеты, которые помогут им перенестись в 1965 год.

Школьники увлеклись игрой. Многие из них уже путешествуют в 1963—1964 годах. Особенно их интересует родное село. Ребята мечтают о том, как село Тугулым в 1965 году превратится в город, с новыми большими домами, скверами, парком, стадионом, Дворцом пионеров, кинотеатрами.

16 февраля «путешественники» встретились в библиотеке со специалистами производства: зоотехником, агрономом, электриком, инженером-строителем. Намечено провести слет участников игры.

Л. Шаропова

Дядя Желудь

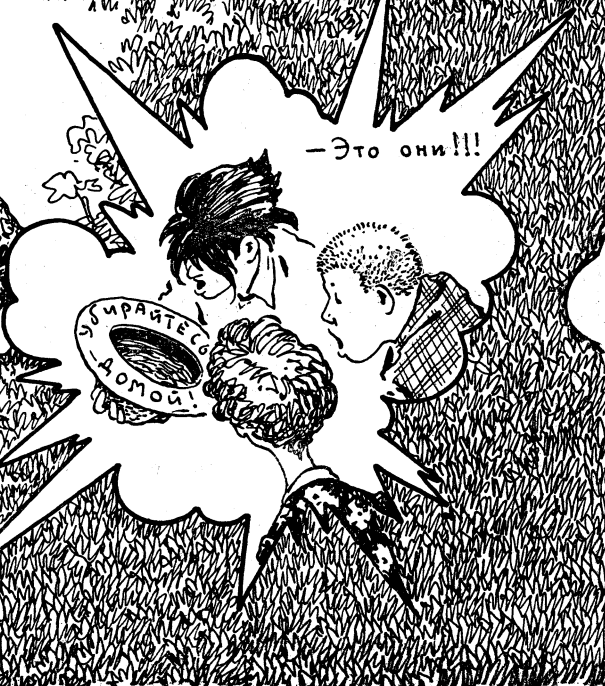
Продолжение

Худ. В. Бубенщиков

— Гип-гип!
Жратва!!

— Какая прелесть!
Мои туалеты!..

— Это они!!!

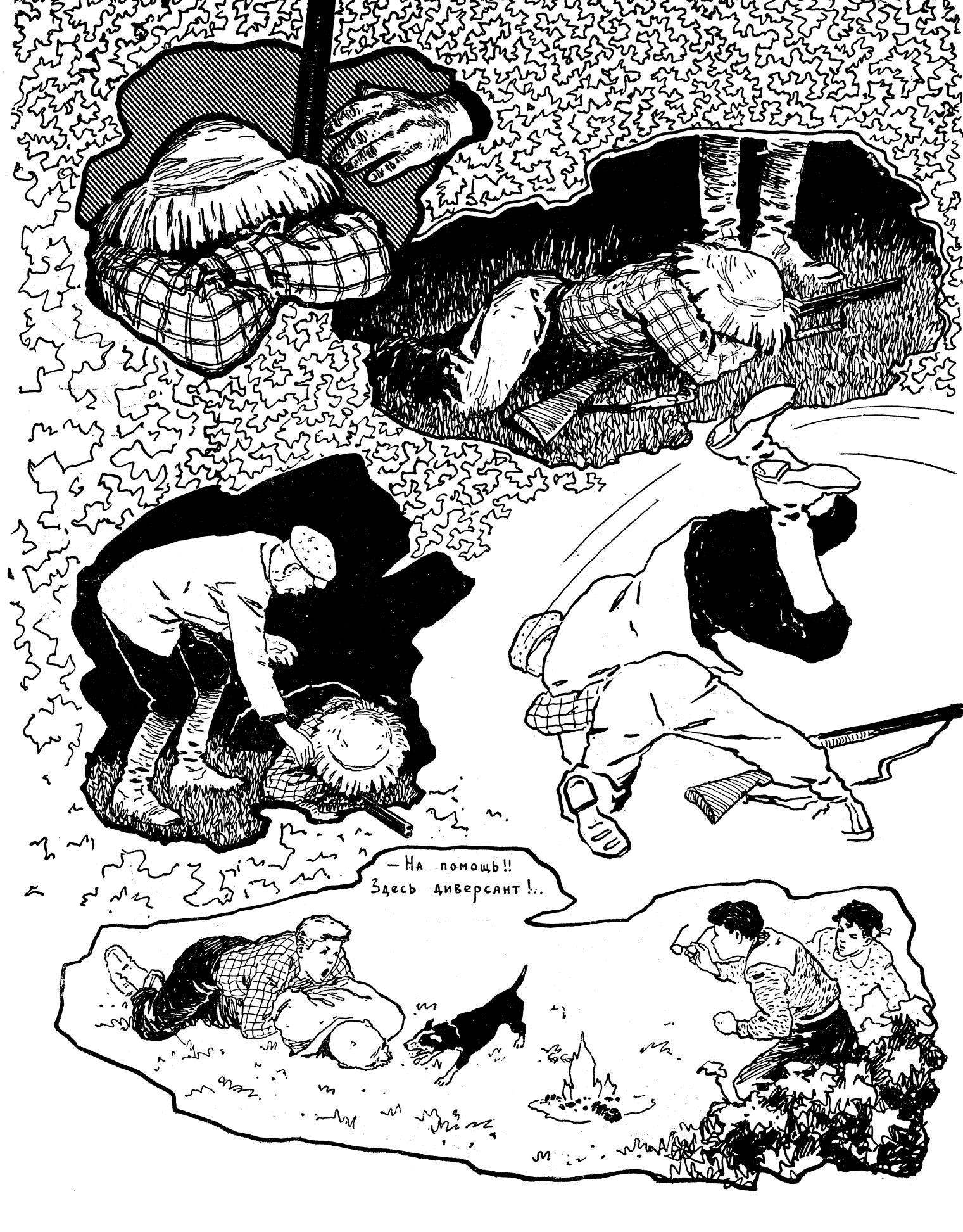
СЪЕДИТЕСЬ
ДОМОЙ!

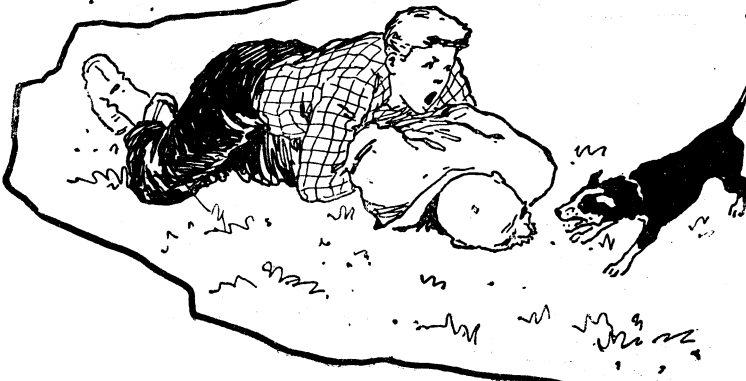
— Близко
подходить не
будем, а то нам
придётся ночевать
без костра

— Они пошли к Тальковке.
— С моим дедом они ничего не
боятся

— Спите,
а я подежурю.

- На помощь!!
Здесь диверсант!..

—Ничегошеньки вы не поняли! Я их ещё и работать заставлю!.. Продолжайте в том же духе, помогайте мне... Только ружьишко придётся у вас забрать: не было бы беды.

—Веди сейчас же домой эту пантюхотроплю экспедицию!

—Давайте оставим их здесь. Пусть сами выбирают!

—Ну, и ловкач ты, Лёшка! Весь в меня.

—Старик, я почему-то мокрый!

—Надо меньше пить на ночь!

—Это называется роса, я читала.

- Спасите!
Землетрясение !!

Я хочу домой!..

-Торопитесь! Мы должны
прийти на Табковку
намного раньше их

- Придется рубить
сосну.

- Успеем! Дед заставит
их поработать: сено будут
метать.

- А успеем?

- Петя, скорей!

- Я сейчас. Только
очки найду...

С. ПУШКИН
ИЗБРАНИЕ ПОВЕСТИ

КАМНИ УРАЛА

2. ГОРНЫЙ ХРУСТАЛЬ

К рисунку на 4-й стр. обложки

Со словом «хрусталь» в русском языке связано понятие чистоты, прозрачности, хрупкости. Потому-то и в песнях наших чистая слезинка ребенка, дрожащая на лепестке цветка утренняя росинка, первый тонкий хрустящий ледок по берегам речек зовут хрустальными.

Он и в самом деле удивительно чист, прозрачен и хрупок, этот минерал, имя которого взято из греческого языка и обозначает лед. Древние греки, еще не проникшие в тайну рождения минералов, так и считали, что хрусталь — это окаменевшая вода.

Горный хрусталь — бесцветную, прозрачную разновидность минерала кварца — люди знали давно. Археологи при раскопках находили хрустальные наконечники стрел. Древние греки и римляне охотно употребляли его на поделки: пуговицы, украшения, шары для охлаждения рук. С годами (вернее, с веками) хрусталь пользовался все большим и большим успехом — он стал, пожалуй, самым распространенным драгоценным камнем. В музеях мира можно встретить тысячи разнообразнейших изделий из него — от изящной печатки и вставочки в колючку до самоварчика, выточенного по приказу Петра I из целого кристалла.

Спрос на хрусталь был так велик, что на поиски его отправлялись специальные экспедиции.

На Урале горный хрусталь знали и добывали давно — трудно даже установить, с каких пор. Находили его и глубоко под землей — в занорышах пегматитовых жил, и на поверхности — по берегам быстрых уральских речушек. И на Южном Урале, и на Среднем, а совсем недавно и на Северном. Газеты сообщают, что ивдельская партия Уральской съемочной экспедиции обнаружила хрусталоносные зоны в таких районах на западном склоне Северного Урала, где их раньше не предполагали встретить.

Урал выдавал из недр своих такие замечательные кристаллы горного хрусталя, что они до сих пор приводят в восхищение минералогов всего мира своей

величиной и красотой. Один из таких кристаллов был найден... на улице старого Екатеринбурга. Он стоял в виде каменной тумбы перед домом и исполнял роль коновязи. Тумбу забрали в музей, очистили от грязи и сняли шершавую «рубашку». Кристалл-красавец весил около полутонны!

Граненый «алмазной гранью» хрусталь с первого взгляда не отличишь от алмаза. Но и сам хрусталь трудно отличить от хорошо приготовленного и ограненного стекла. Не мудрено поэтому, что хрусталь нередко подделывали под алмаз, а стекло в свою очередь — под хрусталь. Но знатока камней не проведешь, он знает, что хрусталь по твердости на три балла ниже алмаза и на два балла выше стекла: проведет подделкой по образцу из шкалы твердости, и обман сразу же обнаружится.

Но время поделок, а следовательно, и поделок из хрусталя, пожалуй, уже прошло — мало кому теперь нужны печатки и кубки, а украшения из искусственных камней научились делать не хуже, чем из дорогих самоцветов.

Зато в технике хрусталь нашел свою вторую жизнь. У него оказалось множество полезных технике качеств. Например, посуда из горного хрусталя не имеет соперников: нагретая до красна, не лопнет даже в ледяной воде. Из расплавленного хрусталя вытягивают такие тонкие нити, что их не увидишь простым глазом и каких ни из какого другого минерала не получишь. Но самое интересное и незаменимое его качество — особенные электрические свойства. Это он, наш уральский самоцвет, помог создать эхолот, охраняющий безопасность кораблей, специальные радиопередатчики, направляющие свои волны в точно намеченном направлении, дефектоскопы, умеющие заглянуть внутрь металлической вещи, если даже она будет несколько метров толщиной.

Из минерала-франта горный хрусталь «перевоспитался» в минерал-работягу.

Юр. Киш.

Змея на снегу

В ноябрьские каникулы мы с отцом ходили на гору «Дыроватик», что в 25 километрах от Нижнего Тагила. День был солнечный. Поднимаясь на вершину, около камневала я заметил черную большую змею. Она шипела и пыталась укусить нашу собаку. Я позвал отца и спросил его, почему зимой ползают змеи. Но он ответить не

смог. И даже дедушка и прадедушка, которому 89 лет, не помнят подобного случая.

Мы сфотографировали змею, я посылаю вам снимок и прошу объяснить, почему зимой змея выползла на снег.

Сергей Якорев,
школа № 64,
г. Нижний Тагил

Дорогой Сергей!

Змеи, ящерицы, лягушки и другие так называемые «холоднокровные» животные с наступлением морозов впадают в оцепенение, в спячку, от которой пробуждаются весной. Но можно животное оживить — поместить в тепло: оно проснется раньше положенного природой срока. Особенно легко разбудить змей. Если змея устроилась на зиму в неглубокой норе, близко от поверхности земли, то в солнечный

день, когда солнце хорошо прогреет почву, она проснется, выйдет из оцепенения. Если найдет она для себя более подходящее убежище — благополучно перезимует, не найдет — погибнет.

Подобные случаи наблюдались в природе и раньше, но не часто, поэтому твое наблюдение представляет интерес.

С. Шварц,
профессор зоологии

СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ

Двуногий дуб

В пределах Черниковска — района города Уфы, есть большой лесной массив. Он тянется на 5—6 километров вдоль высокого берега реки Белой.

В этом лесу растет необычный экземпляр дуба черешчатого или, как его называют ботаники, кверкус робур. Его нижняя часть имеет два совершенно самостоятельных ствола, они, соединившись, образовали арку. Выше арки «ноги» дуба срослись в нормальный ствол правильной цилиндрической формы. На коре необычного дерева нет никаких наростов или иных отклонений от

нормы. Когда раскопали почву у основания стволов, оказалось, что каждая «нога» имеет свою корневую систему. Возраст дуба примерно 60—65 лет.

Уфимский двуногий дуб — редчайшее явление. Ни в лесах Башкирии, ни в лесах других районов СССР подобных образований у дуба не встречалось.

Как же у дуба появились «ноги»? Можно объяснить только так: много времени тому назад два четырех-пятiletних дубка, один из которых был сильно деформирован, тесно соприкоснулись своими стволами. Они срослись, а затем верхняя часть искривленного дубка отмерла. В течение 55—60 лет следы срашивания на поверхности коры сгладились и исчезли. Необычный дуб продолжает расти и развиваться, питаясь через две корневые системы.

Профессор К. Кострин

Главный редактор В. Очеретин. Зам. главного редактора Л. Неверов.
Редколлегия: В. Волович, М. Гроссман, С. Захаров (ответственный секретарь журнала), Ю. Курочкин, А. Малахов, Кл. Рождественская, Г. Томилов, В. Шустов.

Адрес редакции: Свердловск, ул. Малышева, 24; телефон Д1-22-40. Рукописи не возвращаются.
Художественный редактор А. Асс. Технический редактор Т. Меньщикова.
Обложка художника В. Беляева.

Подписано к печати 27/IV 1960 г. Бумага 84×108/16=2 бум. листа — 8,2 печ. листа. Уч.-изд. листа 9,88.

Тираж 60 000 экз. НС 11203. Цена 3 руб. Заказ № 136.

Типография издательства «Уральский рабочий». Свердловск, ул. имени Ленина, 49.
Обложка и вкладка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

В КОСМОСЕ

— Теперь, юные космонавты, заглянем в далёкое прошлое.

— Вова опять не смог оторваться от Земли.
— Неудивительно! У него по „Земному притяжению“ двойка.

— Рудик, ты опять забыл очистить свои ботинки от космической пыли.

— Дети, прошу вас, перестаньте шалить!

Вот мчится тройка почтовая...

25. Иллюстрация 119
Золотая

3 руб.

ГОРНЫЙ ХРУСТАЛЬ
Художник А. Ряудин